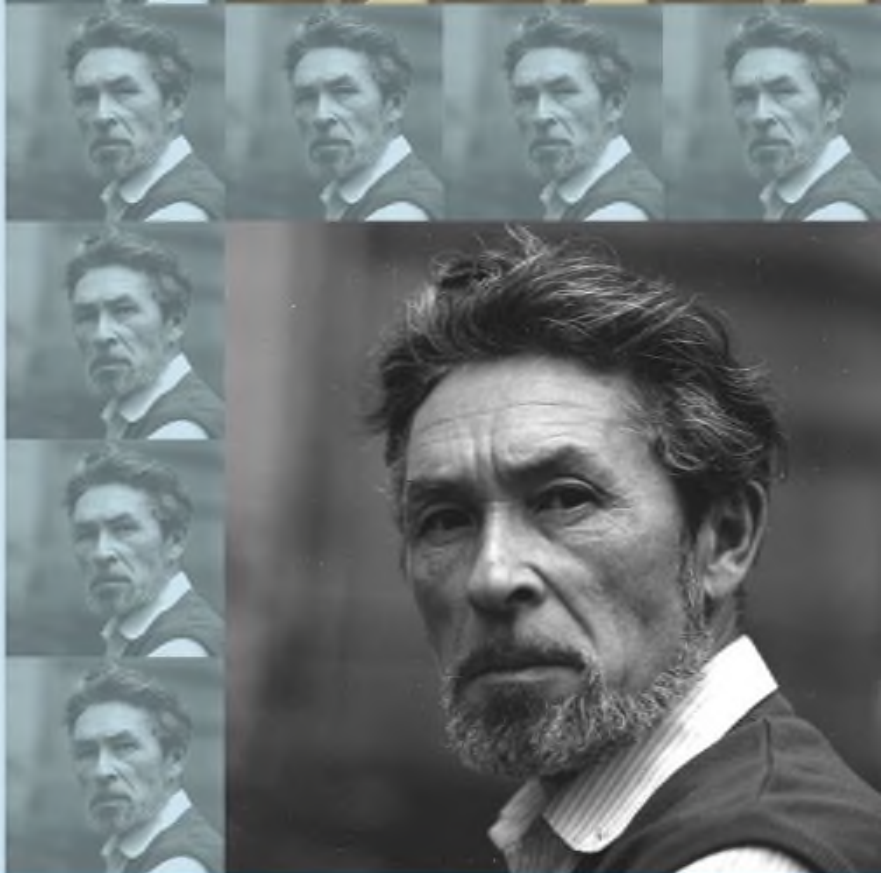


Геннадий Айги

Провинция живых



ЧАСТЬ
РЕЧИ

Геннадий Айги

Провинция живых



ГЕННАДИЙ АЙГИ

ПРОВИНЦИЯ ЖИВЫХ

Санкт-Петербург
Пальмира
2020

Составитель и автор комментариев Арсен Мирзаев

Айги Г. Н.

А36 Провинция живых: [стихотворения] / Геннадий Айги. — СПб.: М.: ООО Группа Компаний «РИППОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2020.

ISBN 978-5-517-02204-2

Несмотря на очень значительные российские и международные награды (Народный поэт Чувашской Республики; лауреат премии им. Б. Пастернака, им. А. Белого, им. Ф. Петрарки; Командор Ордена Искусств и Литературы (Франция) и мн. др.), на книги, изданные в разных странах мира и переведенные более чем на 50 языков, на два Собрания сочинений, вышедшие в России 11 лет назад, несколько номинаций на Нобелевскую премию, — несмотря на все это Геннадий Николаевич Айги (1934–2006) продолжает оставаться поэтом, которого в своем отечестве знают многие, но мало кто сумел по-настоящему прочесть. Нередко приходится слышать, что его творчество слишком сложно и герметично. Книга «Провинция живых», комментированное издание избранных текстов поэта, призвана рассеять эти предубеждения и доказать, что стихотворения Г. Н. Айги не сложнее самой жизни, то ужасающе сложной, то возвышающее простой.

© Айги Г. Н., наследники, 2020

© Айзенберг М. Н., предисловие

© Мирзаев А. М., составление, комментарии. 2020

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

ISBN 978-5-517-02204-2

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Представлять Геннадия Айги — поэта, известного во всем мире и едва ли не самого переводимого из пишущих на русском языке, — задача, казалось бы, весьма неблагодарная. Всякий любитель — а тем более знаток — поэзии если не читал его стихи, то уж слышал о нем наверняка. Но вот смог ли набраться смелости и *нарушить границы* этой совершенно особым образом устроенной поэтической вселенной, понять ее законы, пройти по дорогам и тропам, проложенным ее создателем?..

Настоящий том построен таким образом, чтобы дать возможность читателю — и хорошо знакомому с поэтическими творениями Айги, и сталкивающемуся с ними впервые — войти в оригинальную и своеобразную систему его *звукомыслей* и *звукообразов*. Этой задаче служат и замечательное эссе известного московского поэта Михаила Айзенберга, и стихотворения Геннадия Николаевича. Тексты, составившие книгу, складываются, как нам видится, в некую триаду: сначала идут стихи, условно говоря, простые, конца 1950-х — начала 1960-х годов; затем — восходящие к «высокой сложности» (впрочем, умеющим *слышать* и *слушать* они не кажутся такими уж непроницаемыми и герметичными); в последней части «Провинции живых» наблюдается возврат к «немыслимой простоте»: минималистические циклы «Лето с ангелами», «Что забредает в сломанную флейту», «Ветер по травам» и «Лето с Прантлем».

В самом конце помещен раздел комментариев (комментированных изданий поэзии Г. Н. Айги практически не существует, исключение — небольшой томик его стихотворений, дополненный некоторыми эссе и статьями (М.: Радуга, 2008)). Они не то чтобы представляют собой попытку объяснить стихи поэта его же прозой (выдержками из эссе, статей и бесед самого Айги), но, прежде всего, призваны дать этой книге некоторый дополнительный объем и помочь всем «времякопам в толпе нехотяев» — понять или хотя бы приблизиться к осознанию того, насколько многообразной, прозрачной, многосторонней и глубокой может быть настоящая поэзия, когда она является абсолютно свободной.

За особые заслуги

Надеюсь, никому уже не надо рассказывать о том, кем был Геннадий Николаевич Айги, о подлинном масштабе его стихового высказывания.

Айги был актуальным автором пятьдесят лет назад, остается им и сейчас, после своей смерти. Не теряет актуальности его поэтический язык: всегда, в каждом стихотворении словно пойманный в движении — в становлении понятий. Стихи Айги состоят как будто не из слов, а из пауз. Даже не из ряда пауз, — каждая вещь в целом есть одна невероятно напряжённая пауза, из которой вот-вот возникнет главное, самое необходимое слово. Это состояние речи, в сущности, *до-языковое*. Слова взывают к до-словесному опыту, — к мышлению, еще не ставшему речью.

Поэтому так трудно писать и даже говорить об Айги: он требует не критического, а художественного описания, как требует его какой-нибудь пейзаж.

«Мы живем, под собою не чуя страны», но Айги-то как раз чуял.

Не «улица корчится безъязыкая», а лежит вокруг огромное немое пространство. Территория. Не освоенная языком целина.

Лучшие вещи Айги — это какой-то голос бессловесности. Голос пространства, — голос немой протяженности. Одушевление природных сил. Как будто человек говорит от имени или вместо темной воды; талого снега; мокрой земли.

Айги с годами не отдавал, а набирал, приобретал. Это редчайший случай: русские поэты не умеют стареть. Сам процесс старения в нашей поэзии опробован, но не отработан.

Поздние впечатления определенно закрепили мое отношение к нему на шкале ценностей — в верхней ее точке. И мне очень жаль тех, кто пропустил последнее чтение Айги 17 января 2006 года в Чеховской библиотеке: в жизни любого человека события такого рода если и случаются, то крайне редко. Хотя читал он не много, а голос звучал слабее, чем обычно. Но это совсем не было важно.

Геннадий Николаевич очень изменился: похудел, побледнел. Но в этой почти бесплотности проступила основа «облика и склада»: какая-то перекрывающая все остальное ясность, *приветливость*. Даже не доброта, а что-то, по отношению к чему доброта — лишь частное проявление общего.

«Белое пело добро», — так, кажется, в его стихотворении про отца.

Похоже, что-то подобное происходило с его стихами, которые восходили от слов к чистому звучанию — к какому-то «белому звуку». А такое совмещение со своей поэтикой в ее верхнем регистре — лучшее, что может случиться с поэтом, и дается ему не только за талант и правильную жизнь, но и еще — за какие-то особые заслуги.

Михаил Айзенберг

НАЧАЛА ПОЛЯН

(Из ранних стихов. 1956–1959)

ПРЕДИСЛОВИЕ К «НАЧАЛАМ ПОЛЯН»

В последние годы, думая о стихотворстве как о развитии поэтических средств, угадывая разницу «строящих» от «отражающих», я старался не думать о моей первой книге стихов.

В ней отразились те черты юности, которые в более зрелом возрасте начинают казаться порочными для искусства. К обычному для ранних стихов романтизму присоединилось нечто индивидуальное: стихотворный труд представлялся мне, прежде всего, как добыча поэтического материала. Взгляд на русский язык со стороны, помогавший в первое время, должен был исчезнуть.

Поздний пересмотр и приведение в порядок ранних стихов объясняются несколькими причинами. Основную тревогу, пожалуй, вызывало то обстоятельство, что эти вещи в свое время разошлись по рукам и их невозможно уничтожить.

В этой книге я впервые стал работать над русским языком... Многие стихи связаны с памятью о людях, сыгравших в моем творчестве серьезную роль, — о тех, ушедших, читавших в свое время эти строки.

Москва.

Июнь, 1963.

ЗДЕСЬ

словно чащи в лесу облюбована нами
суть тайников
берегущих людей

и жизнь уходила в себя как дорога в леса
и стало казаться ее иероглифом
мне слово «здесь»

и оно означает и землю и небо
и то что в тени
и то что мы видим воочью
и то чем делиться в стихах не могу

и разгадка бессмертия
не выше разгадки
куста освещенного зимнею ночью —

белых веток над снегом
черных теней на снегу

здесь все отвечает друг другу
языком первозданно-высоким
как отвечает — всегда высоко-необязанно —
жизни сверх-числовая свободная часть
смежной неуничтожаемой части

здесь
на концах ветром сломанных веток
притихшего сада
не ищем мы сгустков уродливых сока
на скорбные фигуры похожих —

обнимающих распятого
в вечер несчастья

и не знаем мы слова и знака
которые были бы выше другого
здесь мы живем и прекрасны мы здесь

и здесь умолкая смущаем мы явь
но если прощание с нею сурово
то и в этом участвует жизнь —

как от себя же самой
нам неслышная весть

и от нас отодвинувшись
словно в воде отраженье куста
останется рядом она чтоб занять после нас
нам отслужившие
наши места —

чтобы пространства людей заменялись
только пространствами жизни
во все времена

1958

В РОСТ

1

в невидимом зареве
из распыленной тоски
знаю ненужность как бедные знают одежду последнюю
и старую утварь
и знаю что эта ненужность
стране от меня и нужна
надежная как уговор утаенный:
молчанье как жизнь
да на всю мою жизнь

2

однако молчание — дань а себе — тишина

3

к такой привыкать тишине
что как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место ее
и в этом я есть — как Поэзия есть
и я знаю
что работа моя и трудна и сама для себя
как на кладбище города
бессонница сторожа

1954–1956

ЗАВЯЗЬ

(Из одноименной чувашской поэмы)

Р. А.

пускай я буду среди вас
как пыльная монета оказавшаяся
среди шуршащих ассигнаций
в шелковом скользком кармане:
звенеть бы ей во весь голос
да не с чем сталкиваться чтобы звенеть

когда гудят контрабасы
и когда вспоминается
как в детстве ветер
дымил дождем в осеннее утро —

пускай я буду
стоячей вешалкой
на которую можно
вешать не только плащи
но можно повесить еще что-нибудь
потяжелее плаща

и когда перестану я верить в себя
пусть память жил
вернет мне упорство
чтобы снова я стал на лице ощущать
давление мускулов глаз

1954

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ
(Вариация на чувашскую тему)

широкие глаза на лице
отяжелев постепенно
тянутся властно друг к другу:

им надо увидеть тебя всю разом
сплавив и шею и спину в одно

превратившись во что-то
драгоценное целое
болящее от преломления
луча в равносильном луче

так глаза расширяются и раскрываются
и ширится мир не имея сторон
кроме центробежного гула
бесконечной окружности

так
глаза выявляются

и тяжело
будто с весом
двигаются под деревом
разноцветные пятна и полосы
в зрении вызывая
начала осязаемости —

словно снимают
шкуру с коровы
и вспыхивают беспокойные краски
на ее отворотах

1957

ИЗ ПОЭМЫ О ВОЛЬКЕРЕ

там в тайниках заоконных лугов
антрацитами светятся
черные дома полустанков

и вечером около рельс
маленькие красные фонари
горят так тихо и сосредоточенно
как будто сидят в них
маленькие Пимены
и тихо и застенчиво пишут

что сказание все продолжается

1957

НОЧЬ ПЕРВОГО СНЕГА

Г. А.

ночь первого снега когда телеграфные
залепленные снегом столбы
словно чуть-чуть отошли от дороги
и потеряли колонну свою
и каждый из них —
ведущий

и шлагбаума белые полосы
придвинулись к белым от снега
шпал полосам нарушающим
горизонталь

и в издавна знакомой округе
есть что-то напоминающее
незнакомое пространство

и ограда вдоль дачи поэта
напоминает теперь частокол
перед домом далеким твоим неуклюже поставленный
в котором засохшем задержана дерева смерть
неким подобьем
намек на вечность —

на большее время чем мы

ночь первого снега когда
ты стал не счастливым не легким а просто свободным
как это бывает лишь в детстве
и лишь перед смертью

и тем ты свободен что можешь
не быть ответственным даже за веру:

ей уже жить вне тебя своей жизнью
там где пространство особо понятно
как освещенное снегом
за стеклами место на даче

где от сильного света бессильна с утра
женщина понятная сама по себе
и твоя потому что она твоя вера
не зависящая уже от тебя

1957

БОДЛЕР

Не вы убивали не вы побеждали
не вашего поля

Недаром вы слушать его не умели
диктовало откуда-то что-то
места своего не имея

и не было будто ни губ ни бровей ни висков
кроме далекого голоса
и неожиданных рук

И даже законы движенья и роста
искали иного служенья ему:

непредвиденным было то место под небом
где все утверждалось как тяжесть

и от всех эта тяжесть его отделяла
как падающее что-то
отделяется от воздуха в воздухе

— И цвета испанского табака
были живы глаза перед смертью
тоскующие по чистоте

рождаемой только разрывом и гибелью

1957

СОН-ОГОНЬ
(Утра в Иркутске)

М. М. Л.

Сна начало
с шуршания
дворничьих метел под утро —

будто
по стенам
движение пламени
над головой —

так неуклонно, сурово, шершаво!

Юность-бездомность!..

Сон — словно мыслей потрескиванье
в дружеском доме: в огне.

1958

ПОКА

о мы будем спокойны с тобой
когда в зимние ночи
окна будут казаться чернее
от близкого движенья метелей

ведь мы знаем и помним
что там перед домом шрам на булыжнике
напоминает маску
с лица Бетховена

а дальше на тропинке — о ты ведь знаешь! — светится снег
притушенно и голубо
сквозь втоптаные кем-то
в моем детстве
конфетные бумажки!

и перед домом горит тот самый
знаменитый фонарь
который собирается выйти в отставку
и устало светит на перекрестке
вспоминая
в последний раз свою молодость

о не напоминай мне — п о к а — до времени
пока я думаю об этих ночах
что есть и другая радость

не напоминай
что где-то у вагонов и в тихие дни — пурга и метели
метели на перекладинах
дверей товарных вагонов

как бы притянутые полем магнитным
вьюги на окнах курьерских

и спиральное становленье пурги
над холодом буферов!

о дай мне думать
о самом большом и неразгаданном таинстве
о чуде окна распахиваемого
вдруг среди разговора

когда забываю о чем говорил
и ощущаю странное
утомляющее желание плакать

и склонившись к тебе говорю
слова от которых глаза в темноте
начинают влажно блестеть:

«спи
царица Спарты»

1958

ДЕНЬ

и грезятся
в сиянии асфальта опять
то блестящие холмики то черные впадины
как будто наплывая мерцают
огромные круги
громадного моря лягушачьей икры

и арена асфальта днем превращается
во что-то — с основ упорядоченное заново
и вдруг напоминающее
о подмостках времен Шекспира

и за каждым — фонарным — столбом — мерещатся
и горы — и реки — и маяки

и город уже становится морем
и сугробы сосульки проталины
это лишь гребни
невидимого моря

и разбужено это море
следами — машин — детских санок — калош —
и годовое сцепленье
всех следов и всех меток
волнами становится
Города-Моря

к вечеру город станет городом
и люди назовутся людьми
и тупики Замоскворечья
в предутренних смотринах города
будут светиться тем тихим светом

который бывает лишь в детских комнатах
когда наступает час прогулки

андерсеновских оловянных солдатиков

1958

КУСТ

...в жизнь я шепчу — как в соседнюю
бесконечность умолкшего леса...

1957

о явное это пространство
между снегом и между нижними ветками
крыжовника около ветхой решетки —

в архипелагах
занесенного снегом сада

нет в этом пространстве
признаков тени
и недоказуема
близость редеющих листьев

сперва может быть и была эта тень
и торжеством ее было ее появление —

видимым словно в растворной воде
сиротством чернеющих веток

но что-то еще требовалось о так это было
этим теням
и снегу хотелось иметь свою тень
на нижних ветках куста

и на всю зиму слились
тень снега и тени веток
и будут всю зиму стараться очнуться —

и очнутся
лишь в середине марта —

о это ощущение
чего-то опасного и разряженного
как перед дверью
некой неведомой лаборатории

о этот великий обморок
существующий при моем существовании
как музыка за стеной

— и перед этим таинством
я человек прошу
помня о тех кто готовит опасное
моему пребыванию здесь:

«о дайте — прошу — немного времени
для немногих слов
о последних в мире кустах» —

о если бы все было жизнью
и если бы смерть исходила от жизни
не у людей я простил бы отсрочку —

но смерть сейчас от тех кто «они»
от людей смертей

1958

В ДЕКАБРЬСКОЙ НОЧИ

Н. Ч.

в страхе
как будто в декабрьской ночи
самоосвещаются
в е щ и д у ш и
и как говорим «тупики» и «дома» и «туннели»
определяю я это немного —

когда повторяю:

что общность избравших друг друга
совместность их нищенская —
как разрешенная по недосмотру!

но неотменима

что ежедневно обязан художник
знать о силе и времени смерти

и знать потому: что для правды
не хватит и всей его жизни

что можно быть светлым всегда — о хотя бы от боли! —
когда эта боль — словно заданная
неотличима от веры

что — как говорящие — теплятся в е щ и д у ш и
в страхе — как в зимней ночи

всю полноту образуя
необходимого ныне терпения

1957

ПРОЩАЛЬНОЕ

Памяти чувашского поэта Васyleя Митты

было — потери не знавшее лето
всюду любовью смягченное
близких людей полевых —

будто для рода всего обособленное! —

и жизнь измерялась
лишь той продолжительностью
времени — ставшего личным как кровь и дыханье —

лишь тою ее продолжительностью —

которая требовалась чтобы на лицах
от слов простых
возникали прозрачные веки
и засветились —

от невидимого движения слез

1958

ОТЪЕЗД

Забудутся ссоры,
отъезды, письма.

Мы умрем, и останется
тоска людей
по еле чувствуемому следу
какой-то волны, ушедшей
из их снов, из их слуха,
из их усталости.

По следу того,
что когда-то называлось
нами.

И зачем обижаться
на жизнь, на людей, на тебя, на себя,
когда уйдем
от людей мы вместе,
одной волной,

когда не снега и не рельсы, а музыка
будет мерить пространство
между нашими
могилами.

1958

САД В ДЕКАБРЕ

где-то скрывает он мертвое поле
будто единственное
им охраняемое:

«сад» говорю и не вижу о лучше оставить
их понимающих только себя!

и без призора движенье карниза:
легкий мышинный
пробег по стерне! —

длится невидимое
словно во сне белокамье Карелии:

о скоро:

кренясь постепенно! —

и удаляясь
как будто на льдине:

затылком
случайно отыщется —

для снов через год и для памяти —

девичий столик
под снегом вечерним:

вычурным

детским

1959

СНЕГ С СОСЕН

снова
не помнить начала! —

и снова увидеть
(словно ты смотришь
и это и есть проходящая
в течении
жизнь)
как падают с сосен
слитки тяжелые снега —

и раны в сугробах похожи
(вот и новое
утро)
на формы для отливания
царственных подстаканников —

вновь
с сосен в сугробах
(и долго-давно) —

мокро и долго и шорох и веянье
как в невидимке-колодце! —

смотришь и это и есть
возвращающаяся
(ты – как оставленный)
жизнь

1958–1959

ОТМЕЧЕННАЯ ЗИМА
(1960–1961)

ТИШИНА

Как будто
сквозь кровавые ветки
пробираешься к свету.

И даже сны здесь похожи
на сеть сухожилий.

Что же поделаешь, мы на земле
играем в людей.

А там —
убежища облаков,
и перегородки
снов бога,
и наша тишина, нарушенная нами,

тем, что где-то на дне
мы ее сделали
видимой и слышимой.

И мы здесь говорим голосами
и зримы оттенками,
но никто не услышит
наши подлинные голоса,

и, став самым чистым цветом,
мы не узнаем друг друга.

1960

СМЕРТЬ

Не снимая платка с головы,
умирает мама,
и единственный раз
я плачу от жалкого вида

ее домотканого платья.

О, как тихи снега,
словно их выровняли
крылья вчерашнего демона,

о, как богаты сугробы,
как будто под ними —
горы языческих

жертвоприношений.

А снежинки
все несут и несут на землю

иероглифы бога...

1960

ДОМ ДРУЗЕЙ

К. и Т. Эрастовым

Было совместное
соответствие
дыханья, движенья и звука
в их первозданном
виде.

Надо было уметь не усиливать
ни одно из них.

И во все проникал
свет звука, свет взгляда, свет тишины,
и где-то за этим свеченьем
плакали дети,
и изображало пламя свечи

пересечения
наших шагов.

И мы находились
в составе жизни
где-то рядом со смертью,
с огнем и с временем,

и сами во многом
мы были ими.

1960

СНЕГ

От близкого снега
цветы на подоконнике странны.

Ты улыбнись мне хотя бы за то,
что не говорю я слова,
которые никогда не пойму.
Все, что тебе я могу говорить:

стул, снег, ресницы, лампа.

И руки мои
просты и далёки,

и оконные рамы
будто вырезаны из белой бумаги,

а там, за ними,
около фонарей,
кружится снег

с самого нашего детства.

И будет кружиться, пока на земле
тебя вспоминают и с тобой говорят.

И эти белые хлопья когда-то
увидел я наяву,
и закрыл глаза, и не могу их открыть,
и кружатся белые искры,

и остановить их
я не могу.

1959–1960

СЧАСТЬЕ

— Там, где эти глаза зачинались,
был спровоцирован свет...

Я симметрично раскладываю ракушки
на женщину чужую,
лежащую на песке.

А облака — как крики,
и небо полно этих криков,
и я различаю границы
тишины и шума, —

они в улыбающейся женщине
заметны, как швы на ветру;

и встряхиваюсь я, как лошадь,
среди потомков дробей и простенков;

и думаю: хватит с меня, не мое это дело,
надо помнить, что два человека —
это и есть Биркенау, —

о табу ты мое, Биркенау мое,
игра матерьяла и железо мое,
чудо — не годится, *чүдинко* мое,
«я» — не годится, «*оой!*» мое!

1960

ОТМЕЧЕННАЯ ЗИМА

белым и светлым вторым
страна отдыхала

причиной была темнота за столом
и ради себя тишину создавая
дарила не ведая где и кому

и бог приближался к своему бытию
и уже разрешал нам касаться
загадок своих

и изредка шутя
возвращал нам жизнь
чуть-чуть холодную

и понятную заново

1960

ПРОЩАЛЬНОЕ

О, вижу тебя я, как свет в апельсине,
когда его режут,
твоя тишина освещала зрачки
издали, еще не коснувшись,
словно ты видела
еще до зрачков —

там, в глубине —
в горячем и красном.

Как будто плечами и шеей
плечам ты моим объясняла,
где в близости есть расхождение,
но было ли это обидно,
когда это было

тише плеч, тише шеи
и тише руки.

И мне, как открытые форточки, запоминались
все детские твои имена,
их знал только я, и остались они,
как снег по ту сторону
тюремных ворот —

тише смерти и тише тебя.

1960

ДЕТСТВО

Желтая вода,
на скотном дворе —
далека, холодна, априорна,

и там, как барабанные палочки,
не знают конца
алфавиты диких детей:

о Соломинка, Щепка, Осколок Стекла,
о Линейные Скифские Ветры,
и, словно карнавальная драка в подвалах,
Бумага, Бумага, Бумага,

о юнги соломинок,
о мокрые буквы на пальцах!

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ — ЭТО КАК БЫ РЕЖЕТ,
НО ТОЛЬКО МЕНЯ, НЕ ВАС!
РЕЖЕТ — ЧЕРЕЗ КАРТИНЫ И ПЛАТЬЯ
И ЧЕРЕЗ КОГТИ ПТИЦ!

Коровьи копыта — яркие, невероятны,
что-то — от въезда в бухту,
что-то — от бала,

и сразу, как стучащие рельсы,
ярки, широки, беспощадны
обнимающие нас соучастники —
руки, сестры, шеи, мамы!

Разгуляемся снова, разгуляемся,
снова заснем и пройдем
не вчера, не сегодня, не завтра, а-а-а-а-а! —

СКВОЗЬ КРИКИ ДЕТЕЙ,
ЧЕРЕЗ МОКРЫЕ БУКВЫ,
ЧЕРЕЗ КАРТИНЫ И ПЛАТЬЯ
И ЧЕРЕЗ КОГТИ ПТИЦ!

1960

ЖЕНЩИНА СПРАВА

Там то, говорящее,
меня удивляющее тем,
что создает себе волосы;

там то,
что падать стыдится и может упасть,
и яблоки катятся на привязи,
а привязи тонки,
холодны;

там — «Р», это полое «Р»,
этот круг удивительных «Р»,
там иголки от крови жасмина,
там
как будто обмывают олени глаза и рога,
а здесь, где я,
как будто раскладывают
хворост за хворостом.

Потребуем вьюгу —
она зашевелится
в провалах витрин

Звать начинайте без имени,
словно бросая
скрещивающиеся белые линии.

А там, там —
эта спина,
меняющая меня, как олени леса,

и она, как убийство, есть и не здесь,
и оторвана страшно названьем
от самого человека,
как будто во сне подарили

железную форму распутья
и сказали, что это есть вечность,

и стал я, поверив, несчастным,

и плачу я, плачу, плачу
во всех углах
самого себя.

1961

ОКНА ВЕСНОЙ — НА ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ

В. Яковлеву

качающимися квадратами
цветения и звона
всех детств моих, знакомых
прозрачным опустевшим городам,

я их коснусь, и девичьи венчанья
все так же будут длиться
без музыки и без дверей;

глубины теплятся
зеленовато-сумрачно,
и плачут там, за ними,
дождем измазанные мясники,
упав на груды рыб;

и вновь топтанье и переступанье —
я здесь, я здесь;

топтанье и переступанье —
раз навсегда —

как колокол в тумане —

— и как — шмуцтитутлы — акафистов —
мне снится — красная — разорванность — и собранность

1961

ПОЛЯ-ДВОЙНИКИ
(1961–1965)

УТРО В ДЕТСТВЕ

а, колебало, а,
впервые просто чисто
и озаряло без себя
и узко, одиноко

и выявлялась: полевая!
проста, русалочка!

и лилия была, как слог второй была —
на хруст мороза, —
с поверхности блестящей, мокрой,

— царапинки! — заговорю, — царапинки!

с мороза,
и на руке —
впервые след пореза

а этот плач среди трав:
— я богу отдан заново!

а нищий брат, мой ангел под зарей! —
уже тогда задумали,

чтоб объяснил,
и чтоб ушел,
и чтоб осталась эта суть:
царапинки... заговорю — царапинки...

1961

ПОЛЕ — ДО ОГРАДЫ ЛЕСНОЙ

после белого поля — широкого нашего — постепенно чужого
перекладина — издали наша — а пока я бунтую — моя

и царсово-садо бело на юру
сарабанда-пространство
чистая без удара и опять без удара

одинокий и взрослый я с этого края пойму
цвет — дальнего края другого
там после зеленого логова
двойника людского понятия «поле»
черные тонкие ветки деревьев
и санки и дети в овраге

как ласты — чисты далеки и слабы!
особенно — в поле! с холодными шеями!
и если душа словно бог выясняет
что можно все шеи ломать словно бог
прозрачность без зренья любя
то в поле
заброшенном мной поверх глаз ради памяти
и дети на месте на месте и я

и разрешены как во сне постепенно
и быть и смотреть и болеть

и тайное что-то иметь непременно
особое что-то иметь
что с марлею схоже и схоже с бинтом — оброненным
в доме пустом

но знающий ясно разрезы во мне чистоты в чистоте
я знаю что есть и двойник погребенья

есть место где лишь острова-двойники:
чистого первого — чистого третьего — чистого вечного —
чистого поля

1962

БЕЗ НАЗВАНИЯ

посредником было окно слуховое
между душою и небом!

а окольное зрение без крапинок глаз!
тревожило детскую память
как золотистую женскую стенку
меж нами и миром

и тогда зафиксировались
беспамятством мысли
в лете четвертом увиденные
тени ладоней
заовражных существ

1962

ЗАМОРСКАЯ ПТИЦА

А. Волконскому

ответ невидимый птичьего образа
ранит в тревоге живущего друга

и это никем из людей не колеблемо
словно в системе земли
сила соловья создающая
словно в словах исключение смерти:
сердце — сечение — север

а рядом приход и уход
замечающих перья и когти
знающих гвозди крюки и столбы
не боящихся видеть друг друга

и надо на улице утром на шею принять
холод от стен и сугробов
и тайная фраза синичья
диктует сердечную славу всему

слава белому цвету — присутствию бога
в его тайнике для сомнений
слава бедной столице и светлому нищенству века

снегам — рассекающим — сутью бесцветья
бога — лицо

светлому — ангелу — страха
цвета — лица — серебра

1962

ПРЕДЗИМНИЙ РЕКВИЕМ

Памяти Б. Л. Пастернака

провожу и останусь как хор молчаливый
я в божьем пространстве весь день предуказанный
с движеньями зимнего четкого дня
словно с сажею рядом

а время творится само по себе
кружится пущенный по миру снег
у монастырских ворот
и кажется ныне поддержкой извне
необходимость прохожих

а уровень века уже утверждён
и требует уровень славы
лицо к тишине обращать
и не книга но атлас страстей
в тиши на столе сохранён

а год словно сажа коснется домов
в веке старом где будто разорваны книги
и любая страница потребует
линий резки и складки к себе
через мои рукава
где холод где рядом окно а за ним
сугробы ворота дома

1962

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

... и восходят поля в небо.
Из песнопения (вариант)

где сторож труда только образ Отца
не введено поклонение кругу
и доски простые не требуют лика

а издали — будто бы пение церкви
не знает отныне певцов-восприемников
и построено словно не знавший
периодов времени город

так же и воля другая в те годы творила
себя же самой расстановку —
город — страница — железо — поляна — квадрат:

— прост как огонь под золой утешающий Витебск

— под знаком намека был отдан и взят Велимир

— а Эль он как линия он вдалеке для прощанья

— это как будто концовка для Библии: срез — завершение — Хармс

— в досках другими исполнен
белого гроба эскиз

и — восходят — поля — в небо
от каждого — есть — направление
к каждой — звезде

и бьет управляя железа концом
под нищей зарей
и круг завершился: как с неба увидена
работа чтоб видеть как с неба

1962

К ПРЕДЗИМНЕМУ РЕКВИЕМУ

О. В. Ивинской

в те дни возможно только в Ваших вѣках
хранился сон его земной:

он издали менял их цвет
в садах тоской закаты создавая

и как невиданного зверя
и нежнейшего
заиндевелые ресницы были
потом при взгляде на поля

то — горя Вашего уже сады иные...

и на далекое надгробие
цветы не именованные
новые

упоминанием кладу в стихах

1965

ВДРУГ — МЕЛЬКАНИЕ ПРАЗДНИКА

а ведь и *днем* не назовешь! —

как будто это птицы свет
(теперь «свет Моцарта» сказал бы)! —

кружа играющего легкого
по миру будто из себя
катая по кругам-подсолнухам
даль наполняли словно шумом мельничным
и блеском девушки! — для праздника святее
сиянием первичным —

(хотя всегда мы умираем
а *это* нами и живет:
блестим расплескиваясь тихостью
себе не разрешая знать) —

и все прозрачней леса тень
и вот — как даропринимательница
ряды сияния выстраивает
и добавляет из себя
последний вздох дневного пенья —

и — ровен мир! — река серебряна поляна золотиста
я юн (как с Губ-что-Свет)

1963

ДЕВОЧКА В ДЕТСТВЕ

уходит
как светлая нитка дыханием в поле

и бело-картонная гречка
срезается лесом

птицы словно соломинки
принимают шум леса на шею

косички ее вдоль спины наугад
словно во сне начинают село
глядя на край каланчи

и там на юру на ветру
за сердцем далеким дождя золотого
ель без ели играет
в ю без ю

1963

ДЕНЬ ПРИСУТСТВИЯ ВСЕХ И ВСЕГО
(1963–1965)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ САДА

это облако взято
при утреннем зрении снизу наверх
одиноких полей
при свете похожем для блюда
чтобы лицо приподняв удивиться
рядом с лицом подоконнику
светлому для слабого глаза

и тронув слезой эта слабость опять одарит
далекими пятнами стен
проемы решеток и веток
и засветится подглазьями мягкими
на лицах у женщин
распределенье настурций
среди кустов и скамеек

и лишь через сад разрешаю я зрение
ближе к себе затемняя
и на себя принимаю
легкую свежую тяжесть —
пробы соседнего дерева не отказаться
от движения слабого

а в памяти август соседствует с мрамором
и в отсвете этом
и рядом в домах притеснений
сегодня победу хранит
день присутствия всех и всего:

совместности облака солнцестояния голоса матери
(светится соприкасается)
лестницы к астрам направленной
боли в висках

1963

К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ САДА

и примем мы свет на движенья нескромные
от самих лопастей
сегодняшнего цветодержца

не зная что камни и ветки и кожа лица —
видимые раны его!

и «я» говоря называем его расхитителем
одного неизменного
праодного своего же сверхсада

и здесь за оградюю астры
не утешая ярки́
словно руки он режет себе!

1963

РЕКА ЗА ГОРОДОМ

а паутиная
пылью со дна как местами чердачными
восходящая к полю

и шелк и паутина
ее притягивая увлекутся
соседями оказаться такими же
как тень и пыль

и паутиная
как шелк во сне покажется нездешней
и связи с облаками
из пуха-хромоножки трав
глаза обманывающих

и алеющих

1964

МАДРИГАЛ ПОЭТУ

С. Красовицкому

езде твой цвет
особенно на склянках
ты — трогающий все вокруг тебя
как будто кровью
рыбы золотой

так прячут может быть за вьюшкою алмазы
как был ты нежен в ветхих рукавах

и ранил снег в окно мое свободно
коснувшись дара твоего израненного
потом меня

я глазками колец был так просвечен в саклях
и был соосвещенным ты
когда рассматривал я долго панагии
при сумерках столицы северной

и видел кровь твою

1963

НАЧАЛО ЛЕСА

открывается сразу как воск поддаваясь
освещается весь!
с проемом с огнем с повтореньем огня и проема
с местами для голоса мамы навечно:
«ай — ии»

суккубье третейство в вагонах кого-то изведшее
тайно готовится здесь
оставлена кожа и кружевом скомканным
белеет во сне

и мягким горячим углем помещенное
что-то живое тройное
колодцем пригорком и домом
Девочку — робкую — около — речки
отдаляя играет
и вновь приближает

1963

ПОЯВЛЕНИЕ СНЕГА

мягкий и близкий подросток неясный
в колодец в колодец
лицом побледневшим мой сон прорезая

меня освещая вдоль сердца

и возвращаясь на утро со дна
растенья на окнах коверкает
красным мне губы рая

светом с худых армяков
невидимый снег

он там недвижим
где явное место имеет как стул освещенное издали солнце
где только они

крови подобно без кожи рожденные
без корки иной

и пламя яснее — от печки, от неба — как будто проявлен ваш образ

на улице в детстве

в поле и в доме арестном

на камне и желтой бумаге

1963

ВЕСТЬ В ТЕРЦИНАХ

о голубя сон превращенный в сидящую тихо при первой звезде
высокой как девичий обморок
как детский ночлег на дворе!

и красными досками воздух
с луною входящий
в проемы везде
а весть-то протянута в видимом вечере к дальней заре
как переваливающийся вдоль старого дерева
мир гиацинтов

где красное поле глубоким накатом
восходит к горе

и нежного дела одевается дух уже третий
в кровь ли цветка словно тамр индийский:

под кровлей разыгрываясь
в цветы соберется в саду

и лишь выходящий из солнца содержится в духе загаданном
светлее чем бинт

1963

КОЛОМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

И. Вулоху

овес
зернами тебе подражающий
красным пятном отражался
на пару с тобой
когда в облике мысли нас видел сперва
Спас

сеть
осенним угаром возможна на ягодах
над кожей звоном твоим
но весть
восходящая ввысь
единственно суть

у ветра
синицы и друга
спросил я навеки ли мы
и отвечала снаружи печально:
«три»

1964

СТЕПЕНЬ: ОСТОЙКИ
(1964–1965)

ВТОРОЙ МАДРИГАЛ

А. Б.

спецобработка словно синим камнем
лицо твое пятнала тихо
и лампочкой зеленою на вышке
любили что ты есть

а пепел
шеей ли во сне тебя касался
как дети — слабо а потом сильней!
и горсть его как дерево уместна
при свете праздничном она она
то ль к тополю близка о через двор тропинкой
то ль где-то снова птицы запоют

а вечером жалки железки тачек
— кто более прощает чем они
зачем такие радуют уколы
и все хотели вас украсить сами
но многие не зная как

о эту рану сохраню как центр
пусть говорю я светит ею
светит существующее
скользя уходишь и уже звезда

и чтоб была она одна
пора гасить конец где я

1964

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕТСТВО

среди пятен как будто букварных
на сушащих вечером ясеня кожу для дела
есть и мои — так в лесу остаются
на листьях свободными быть

и так же во взгляде иодисто-черное
будет тебе дорогим
как для труда незнакомого
у невиновного всё

и будут серебряны милые
пугая оленьим простым одиночеством
ты — это не зная свинцова уже постоянно
дальше не будет
такое как дерево есть

«о ветер весенний в соломе над срубом
и мокрая роза
над срубом»
так тихая детством торговля
ненужных друг другу нежна —

как будто спускаются к крови звеня
кровные нас узнающие
чтоб лицами ясными — сходства корнями от нас
в несчастье меня разбудить

и пламенем легким
слезы уже на краю освещающим
рвется от нас чтоб в себе очиститься
вместе узнавшее нас —

и где и когда я увижу
все вместе как некогда было:
город как тихий железный репейник — озера — и горы — и льдины
и здесь же оставив — себя
вращаясь ли где-то как домик-игрушка (мерцая ли узкими окнами)

в красной ли дымке всевидящей

или — не зная — везде

1964

**КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ:
УТРО В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ**

снова — такое же поле
как будто не видишь:

в горнице — будто — из боли своей создаешь:

ярко: в такую же — бывшую — ширь! —

снова
какого-то третьего ты вспоминаешь
что-то без слов объясняющего:

дома — при матери — снящейся словно береста! —

и — как при устье направленном в поле
в сумерках — вновь — у окна ты внимателен:

«е с т ь» — повторяешь — как будто в себя помещаешь
светящее место:

— о есть!—

и неизменно
свежо
повторяется так словно день чередуется
ясно
и — не накапливая
что-нибудь — возраст творящее:

есть — как тогда!
за окном
беспрестанно:

вместе с верхушками ветел себя Сотрясая:

Сыплет и светом и пылью
как детская ель! —

и — время от времени:

тьмью при комьях белеющих:

самообъяснимо — что е с т ь

1964

ДРУГ ЭТИХ ЛЕТ

И. В.

тот год когда твой сон определил
(касаясь шубы как в санях
кусал ты губы будто бы съестное):
мы убиваемые есть

ты есть — в себе шуршащий:
как в сумерках и в чаще пар от зверя
зашевелишь для нас
цепь света созданную из отцов
где стебли в сонм ли втаяны
но их следы густы над озером —
соломы со следами есть
колесников поюнов грустных
поя как будто запрокидывавшихся
к себе
и к сору на санях

где это нижу? плачу одаренный
из тех: как дети — не найдут
и нежность братская виски тревожит
как трав следы
так мучившие на оглоблях
не травами ли делая
когда-то и тебя

здесь так темнеет что один — весь месяц
ах вздрогнем значит выпьем говорят
у вас и у меня

при чуде-женщине готовы собранны
как если птица — тот из двух
ту-охраняющий

(лишь там потеряян друг)

1964

БОЛЬНИЦА В СОКОЛЬНИКАХ

В. Яковлеву

сами
в такие же раны одеты —
вы —
цветниками свободно шумящие!

и в Ночи Хрустальные по северо-среднему
издали в играх сияете другу
серебряному умирающему —

словно конюшню
хранящую братскую
кольша углы
скажем: с рисунками-бяками —

пока постоянно на ваших «я» беспокойными
потрескивает будто
далекий костер

1965

ЗАРЯ: В ПЕРЕРЫВАХ СНА

где *есмь* как золотую пыль —

как обрамленье красное приснившееся книги:
«néant de voix» —

от сердца высоко во сне над ним висящее —

о так сжигают *есмь*:

и жизнь — как некою его: умершею! —

она — разрозненною красною
как в плаче перерывы
мои теперь со сна! —

и лишь сознание где-то сплавом ангельским
над тенью здесь затерянной —

иное
далеко

1965

Н. Х. СРЕДИ КАРТИН

(К выставке М. Ларионова и Н. Гончаровой
в Музее Маяковского)

снова в жару озаряемы
полу-лучи
полу-духи:

леса составлять собирающиеся... —

и в мареве этом:

воздух а п р е л я — как сказано — с о т о г о :

ищет кого-то
как тонкая гарь!.. —

и латинских
когда-то
касавшийся ран:

тянется слабо из сада пустого:

к полу-деревьям
и полу-лучам —

в зале колышущимся

1965

БЕЗ НАЗВАНИЯ*



ярче сердца любого единого дерева



и:

(Тихие места — опоры наивысшей силы пения. Она отменяет там слышимость, не выдержав себя. Места не-мысли, — если понято «нет»).

1964

* В оригинале квадраты красного цвета.

О ЧТЕНИИ ВСЛУХ СТИХОТВОРЕНИЯ «БЕЗ НАЗВАНИЯ»

Спокойно и негромко объявляется название.

После продолжительной паузы следует:

Poco adagio

Piano

*Ped. **

Пауза, не превышающая первую.

Строка: «ярче сердца любого единого дерева» произносится четко, без интонирования.

После длительной паузы:

L'istesso tempo

Piano

Снова длительная пауза.

Строку: «и» следует произнести с заметным повышением голоса.

После паузы, вдвое превышающей предшествовавшую, прочитывается прозаическая часть: медленно, с наименьшей выразительностью.

К ПОСВЯЩЕНИЮ ДЕТСТВА: ЧИСТКА ОРЕХОВ

Розоволокотные, чистые...
Сафо

о розоволокотные! —

стаей простой:

на срубe
ореховы чистите гранки —

от зерен
и глади дорог
отражаясь:

как легкие дольки:

совместны!.. чисты —

о настолько! — что кажется: э т о м у долго
как звукоряду:

свободно простукивать:

над полем
над срубом:

воздушными косточками! —

словно на память — о бывшем когда-то:

стройном и чистом:

устройстве вещей

УТЕШЕНИЕ 3/24
(1965–1967)

ЗНАМЕНА ГАЗИ-МАГОМЕДА

где
скоро-вещи-белокурия
для в-воздухе-шарами-девичье
как будто в шелку освещались
из тела-только-мысли-звезд

где вещи для готовли белокурия
для пряжи-в-воздухе-знамен
тогда еще как связки были
мощей из тела бог-белеет-вьюгой:

они как тени этой вьюги:
для Скоро-где-нибудь-святые
белея им сердцами стать

1965

**ДОМ ПОЭТА В ВОЛОГДЕ
(Константин Батюшков)**

Любезный образ в душу налетал...
П. Вяземский

а рядом — шёлка окружение:
разорванного будто в смеси —
сияния его
и дрожи:
непрекращаемой: виска —
лицо меняющей
как в ветре —
в сиянье шёлка — словно облика:
из праха! —
сущего:
всего —
из окон ветром разъедаемого:
и светом: до лица живого —
таящегося
как драгоценность:
среди шёлка:
ветра:
и лучей

1966

ГОЛОД — 1946

А было это под Пасху...
А. Крученых

от го-олода-а:

умершие красивы
ли-ицами —

те жемчуга-а опасны:

светлее соли
да-а... —

— виски ли: так — от любви распухают? —

не сердцем — а взором
естся ли это?

иное ли чистое — т а м? —

свобода ль иная? —

воздуха?.. —

ясного ль дня?

1966

ГИМРЫ

как в травах снится:
будто сам
жужжишь и плачешь и алеешь! —

среди пустынного собора
из мела и его тумана
едины так же крики птиц:

и духа зримой распыленностью
над головою вознесенная
из кости
наша белизна! —

и свет:
навылет сообщающийся! —
как будто там где разлучают
идею ран от их теней:

и словно с пальцев начиная
растертый сильно по рукам! —

и страсть которую на солнце
деревьям не отдашь!.. —

..... —

и смесь: почти алеющего зрения
и мест не видящих его:

и пара на скале от крови высыхающей:

плетни расцвечивает: царапают как перья!
тревожащих расцвечивая вспять

и словно то что тянет нас

нам кожу жарко опалая
в пустоты и проемы те
чьи стенки из людей —

нам виден он по цвету в нас
и видим словно расплываясь
и так же двигаясь к нему:

и — скоро — бабочки яркие
как на ресницах кровь

1965

К XXXI ПЕСНЕ «РАЯ»

о ветры говорю о Ней
вокруг Нее горящие!

по вьюге — где-то принимаемой
вращаемой
оттуда ввысь —

они просмотрятся — как временные
места —

недолгого тепла!

и все умы во сне —
как будто тело в воздухе! —

окружит чистыми: от света слез:
сияющими токами —

и в воздухе
отброшенном как поле одинокое
повиснут отражая их
земные реки
затерявшиеся
как листья на ветру:

о взвейся же Сестра!
уже «я» Солнца бурей
горит тебе вослед!

1966

РОЗЫ С КОНЦА

и уступаете вы место
дальнейшему:

уже незримому

тому
чей трепет обособлен
чего и воздух не коснется

чему не содержаться в мире
в пыли движения
и времени

и ради торжества которого
заранее
распад задуман

и вашей белизны самой

1966

СОН: ОЧЕРЕДЬ ЗА КЕРОСИНОМ

и в ряд стоим — спиной друг к другу:

проталкиваем
передних в лавку:

вода и кровь от матерей
в одежде! —

обнявшись
прыгаем во тьме:

лишь где-то:

лес:

готов как будто
до дна — раскатом — озариться:

меня проталкивают:

«как душу именуешь?»:

сквозь ветер я кричу:

«о может быть Тоска
По — может быть — единственному Полю?»:

и останавливаемся:

эхо к нам доносится:

друг другу руки мы кладем на плечи:

и так же прыгаем во тьме:

и в вихре мы
белея
открываемся:

как будто сами — место для прихода
кого-то:

словно яркая поляна:

где ветер
как виденье
носится:

нас отовсюду ослепляющее:

и слов не слышно:

ни о чем:

не думается

1966

И: ЗАСЫПАЯ: ЛЕС

и загораживая —

рукою
губами!.. —

о тайная
(где-то в тумане) —

с зевами
дышащими:

слегка — драгоценность:

в сердечности — словно на волю отпущенной!.. —

из грусти
что много —

(далёко
в тумане) —

жемчужиной той что лишь только понятие —

самая грусть

1967

ЗИМНИЕ КУТЕЖИ
(1958–1991)

в луче клубится @ его лица и неба
под лампой камеры один один

О. Б. Из стихотворения «К А.»

ОТ АВТОРА

Свое отношение к собственной поэтической работе я вкратце выразил бы так: «Жизнь — Книга, одна Жизнь — одна Книга».

Эта единая, на мой взгляд, книга моих стихов стала составляться двадцать лет назад; * невозможность издавать разрозненные сборники или «выпуски» лишь все более скрепляла ее целостность, становящуюся постепенно.

Приведу несколько слов об этих стихах из моего интервью, данного в 1974 году польской газете «Tygodnik Powzeczny»: «Это — „малые“ стихи, возникшие как результат прямых, диалогических реакций на ежедневную реальность. Стихи, вызванные путешествиями, общением с друзьями, дарственные надписи, краткие записи душевных состояний, стихи „на случай“... Книжка называется „Зимние кутежи“, — это чистые и нечистые „кутежи“ нашей жизни, — говоря словами Б.Л. Пастернака, — „наши вечера — прощанья“».

Строки из того же интервью: «Причин, вызывающих занятие искусством, существует, очевидно, не более дюжины. Могу сказать относительно себя и моих друзей: эти причины сведены для нас до минимума. Зато они — самые существенные, без которых нет человека. „Пишу“ для меня равносильно выражению „я есть“, „я еще есть“».

Зная, к какой малой плодотворности ведет подобное состояние, я сознательно старался ставить себя в «диалогические» ситуации: «стихотворно» реагировать, например, на дружбу, на «истории дружб» (лучшим даром жизни, в юношестве, я полагал мужскую дружбу, считая это убеждение, — и наивно, и «тайно», для себя, — связанным с одним из «моментов» светлейшего завещания Пушкина; к этому, позже, присоединилось и представление о дружбе выдающихся представителей «русского авангарда» начала века, когда, по словам искусствоведа Н. И. Харджиева, «в одном ничтожном кафе, в какой-нибудь „Бродячей собаке“, можно было застать

* То есть в середине 1960-х.

одновременно десять гениев. — Представьте себе, — сидят, шумят, и все — в прекрасных отношениях друг с другом»); да, продолжаю: я старался откликаться в моих «малых» стихах и на внешне скромные, но внутренне весьма значительные события жизни современного русского искусства (в течение 10 лет я, служивший в Государственном Музее В. Маяковского в Москве, был ответственным за устройство выставок «художников — иллюстраторов произведений Маяковского»: Малевича и Ларионова, Татлина и Филонова, Матюшина и Чекрыгина, Гончаровой и Гуро).

В этой книжечке много обращений к деятелям французской культуры, к поэтам Франции, — и для меня это более чем не случайно.

Об огромном, решающем влиянии французской поэзии (и, в первую очередь, Бодлера) на мое «литературное становление» неоднократно писалось и во Франции. Здесь я позволю себе лишь несколько дополнительных слов... Перелистывая данную книжечку, я благодарно вспоминаю зимние вечера, когда, единственной душевной поддержкой, мерцал мне, — иначе не сказать, — дух Жакоба... длительным периодом жизни, глубинной и как бы все более *личной*, была поэзия Пьера Жана Жува... — и в труднейшие годы, завершающие 60-е, когда цепенела мысль, стали доходить до меня дружеские голоса Рене Шара, Пьера Эмманюэля, Раймона Кено, Андре Френо, Жана Грожана, Роже Кайюа...

<...>

И — последнее дополнение ко всему сказанному... В нем я обращаюсь к моим старым друзьям, которых мне сохранила судьба, — к четверем московским художникам. «За этой книжкой, — хочется мне сказать им, — стоит еще один Образ, — странный, огромный, опустошенный и дорогой... Это — *московские пустыри*, встречающиеся даже в центральных районах столицы. Мало нас осталось, когда-то, в конце 50-х годов, встречавшихся на этих пустырях... Остатки какой-нибудь развалины служили нам столом (да, не забудем и наши *распития*, казавшиеся тогда безгрешными и светлыми). Нас, сливаясь с сиянием дня, окружала наша надежда.. Если кто-нибудь из нас приносил вырезанную из какого-нибудь журнала репродукцию с картины Клее или Макса Эрнста, о которых мы знали до этого лишь понаслышке, сияние дня и надежда

превращались в праздник искусства... Я не могу не вспомнить вас, листая эту книжку, подготовленную для иноязычных читателей. Может быть, и вы когда-нибудь откроете ее, вспоминая „наши вечера — прощанья” и, как говорит далее Поэт, “пирушки наши — завещанья”».

ПУТЬ

Когда нас никто не любит
начинаем
любить матерей

Когда нам никто не пишет
вспоминаем
старых друзей

И слова произносим уже лишь потому
что молчанье нам страшно
а движенья опасны

В конце же — в случайных запущенных парках
плачем от жалких труб
жалких оркестров

1958

САД НОЯБРЬСКИЙ — МАЛЕВИЧУ

состояние
стучаще-спокойное
действие
словно выдергиванье
из досок гвоздей
(сад
будто где-то вступление ярого-Ока
сад)

1961

ЛЕС СТАРИННЫЙ

а — бог среди звуков
среди деревьев

поляна

Ⓐ в круге — старинная тьма
по образу леса
ѧ— единица Руси
белая в чаще
осина

1963

СТИХИ К ТАНЦУ

дразнит
голубя бок
сходством с даргинскою свадьбой:
о милый
ги —

(как лаской возможно
ранить душу как жабры
ай друг) —

и очагов
нарцисских потрескиванье
сухих:
о ай

1964

К КУТЕЖУ ЖИВОПИСЦЕВ
(Вместе с А. З.)

одеты в раны есть: и цветниками — бога
где красные от ветра чумового
соединимые следы!
ах так кричать — похожим быть на пену
кровавую — то тут то там
(пуста Москва как поле декабря
и как обрывки свиста
гуашей — тонко — дрожь)

1964

ЗИМНИЙ КУТЕЖ

а пить — как будто в Лете спать:

с лицом чужим
как бы натянутым:

над местом не-вещественным
опасным

и озаряться в той реке
огнем незримым тьмы

ты там мой друг
в беспамятстве сказавший:

«как жить? да шкурой на базаре торговать
своею

ЗОЛОТОЙ»

1964

МЕСТО: ПИВНОЙ БАР

А. В.

ты пьющий — значит спящий! —

в себе — как в матерьяле сна:
в горячности своей: ты — спящий сном вторым:

(а их — мы знаем — три
последним будет — третий):

ты спящий сном — пока что: избранным! —

как он глубок! он даже там — где место есть: без памяти! —

и — как он длится!
как слоист и темен! —

о этот ветер! — от мира укрывающий:

на время — как заброшенных детей

1965

СТРАНИЦЫ ДРУЖБЫ
(Стихотворение-взаимодействие)

(С просьбой вложить между следующими двумя страницами лист,
подобранный во время прогулки).

звезды имеют поверхность

как я

притронься

(я)

(ты)

1964, сентябрь

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Иву Боннфуа

река — уже иная — окружает
в нас превращая многое
в свои иные волны
и холодна

прозрачна и едина
и поздно говорить: «мы там»
она одна одна

Нет-Чистота

30 января 1965

ПОЭТУ РОЗЫ ПОЭТА
(К 40-летию К. Богатырева)

Rose, oh reiner Widerspruch, Lust...
R. M. Rilke

в том Городе-Репейнике-Железном
где сумерки как души птиц
где окна-розы — монологи Сафо
распахнуты тобою:

светом-в-Свет —

там из лица-ли-своего-окна
во сне в себе ты знал узоры осторожные
в краях других мелькнувшие когда-то
легчайшей светонадписью:

*под вéками ничьими
сны ничьи*

12 марта 1965

**К ПОРТРЕТУ РАБОТЫ
ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВА**

бывает сон как зреньё
забвение как слух —

бывает: память — языком в беспамятстве! —

когда как вещь ты есть — *свет-проруби-оттуда:*

лица не разрывая!.. —

(огнем-за-кровью-зна́ком)

31 августа 1965

СНЕГ В САДУ

чиста проста
глубоко и почти без места
и тих и незаметен
светлы и широки

сплю весь
и — сейся

мерцать замешиваться взорами

и сеется

и суть

31 января 1965

**Д. Д. и М. Н. БУРЛЮКАМ:
НА ПРОЩАНИЕ**

двумя ореолами смутными
где-то в тумане светящие:

откуда? кому?..

а в сердце два облика
гнезда из света:
для черт велимировых
и для загара кавказского
Второго Великого:

такими — соборными
вы виделись нам
в облаке яви — при нас удаляющемся:

среди отблесков августа

*27 августа 1965,
Москва, гостиница «Националь»*

СОН: РУКОПИСИ

М. Шварцману

... une immense douleur à chaque page.
Lautréamont. Из письма

выходящий из солнца —
в дýхах содержишься белый! —

в лесах
изнутри озаряемых:

играми девичьими! —

и во времени этом
не-нашем
огни рассыпаны:

и сердце — в их числе

12 июня 1965

НА ТЕМУ БОЖИДАРА

а маска на ветке — лица тонина́:
жизнь — боль на копье! —

и душа на копье:

(Лес-Мирозданье с единственной птицей:
с криком-душой)

26 августа 1965

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОЗ

зрения
пространству нефритовому
это приветствие
белого! —

и да прозвонит
в нем — как в опаловой горнице
каждый разбуженный ворс
уленшигелем стебля:

«ТИЛЬ-ТИЛЬ»

1966

К СВАДЬБЕ ДРУГА

друзья

сегодня серебряный день
будто по снегу Очакова
слезы тюленьи струятся

счастье мучительно
день намекает на образ его:

оно чтобы длительным быть
удерживает себя от прозрачности —

как от конца!

позвольте же к ней не стремиться
позвольте взглядеться
сквозь это ненастье сегодняшнее
в вашу судьбу удаляющуюся —

что — ей желать?.. — прояснения длительного:

лишь — к завершению жизни! —

да скоры не будут
и радость и горе —

в содействии этому

1966

КРЧ — 80
(К 80-летию А. Е. Крученых)

о *есть*
твоя поверхность
горящая невидимо
от соприкосновения *не-есть* —

хрустит
поэту имя создавая:

крч

крч

крч

9 февраля 1966

ИНАЯ РОЗА: ДЛЯ АНРИ МИШО

Ensuite elle fut prise dans l'Opaque.
H. M.

иная роза есть — душа родного рода!
о роза — добелевшая трубя
вплоть до моей тоски! —

о рода зрение:

до глаз моих болящее! —

как некогда
как в дни простого горя:

сыновьего и полевого:

в е щ а м и б о г а посещаемое

1966

ПЯТЬ МАТРЕШЕК
(На рождение сына Андрея)

Что смотреть ходили вы в пустыню?
трось ли, ветром колеблемую?

Лк. 7:24

1

есмь

2

благодарение
воздуху — чреву вторичному

3

идеей
Ты нас окружаешь
как шелком

4

во Времени мы — как в составе
покрова
Природы

5

Собой
Окружи

22 ноября 1966

ПОСЛЕ СЛУЧАЯ В КОНТОРЕ-МИРЕ

когда с эпитетом
новаторским
вам пустят красное
почти что поэтически —

преображенью быть — без вас:

и ярче — до-незримости — чем раны
лицом вы будете висеть
на божьем: жарком и прозрачном
никем не видимом
ветру

1 июня 1966

В ГОРАХ АДДАЛА-ШУХГЕЛЬМЕЭР

Ночевала тучка золотая...

ощупывая
«ВОТ-ВОТ»
как что-то... —

и распадешься — чтоб в забытьи
я пребывал
скрепленный кровью в этот мир
души возможно прах —

и составляющий собой начало сна
к утру ты завершишься в тень горы —
и будет «вижу» — словно «зрит»

1966

ПОЭТ
(Б. Л.)

в жертву J.S. (есть такая обертка)
заверните вы розу для Votre Mignonne:

эта тряпка кровавая —
ваших стихов переводчик:

Командора Чугунного был он со-ратником:

13-й год

1966

ТРЕТИЙ КУЗНЕЧИК

(К «Кузнечикам» В. Хлебникова и Э. Каммингса)

Сыну Андрею

трепещет знак-кузнечик
над полем и под небом! —

(знак — Разуму: быть стражем!
самим собою быть) —

знак препинанья
из окрасок двух:

немного Поле
и немного — Бог

1967

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПЬЕСА

(Вещь для сцены)

Пустая сцена, освещенная слабо.

Близкий голос (нечто вроде: «а-а-а»), как бы ничего не выражающий.
Долгая пауза.

Удар — как об стену — за сценой.

Обрывок (в то же время — «цельный») бессловесного хора,
напоминающего молитвенное песнопение.

Сильный удар — как об стену — за сценой.
Долгая пауза.

Далекий крик ужаса — по возможности «беспредельного».

Свет на сцене усиливается до максимальной яркости.

1967

УТРИЛЛО
(Надпись к фотографии)

И. Вулоху

а жизнь проходила
(как холст — высыхал) —

казалось: из пропасти света полуденного
должен пробиться
иной: не-цветной:

даже лучом не рисуемый! —

как в уличной песенке
жизнь проходила!.. —

и думалось: «да»... — и рука опускалась
в сиянии дня — как во тьме ежедневной:

и — головою клонящейся — было:

полнее сознания: «нет»

1967

ЗАПИСЬ — К ЦИКЛУ «ПОЛЕЙ»

И. В.

было же нечто и в поле:

жившее как И и с у с в человеке:

это — давно уже вынуто! —

словно особое горе слабеет
в смутной фигуре-во-сне-материнской... —

ныне — такое оно удаляющееся:

поле п у с т у ю щ е е ! —

/как горе — без слова/

1968

К ПРАЗДНИКУ В ДЕТСТВЕ

(Марку Шагалу: строки, набросанные к его несостоявшейся выставке; Москва, 1967)

о роза детства!

ты — очаг:

огневоротом отдаленный
в шумящем празднике семьи! —

тебя
приснившуюся
дарю:

шагалу:

с восхищением

1967

СЛУЖБА: БУМАГИ: НОЧЬ

Г. Натанову

а ж и л ли? — б ы л в с е г д а в у с т а л о с т и :

о к а з ы в а л с я — т о г о л о в о ю
т о п о л н о с т ь ю :

в о в ь ю г е - с м е р т и ! —

н е з р и м о й с л о в н о м е л о в о й :

и в с е ж е — в о з в р а щ а л с я в я в ь :

с л у ч а л о с ь — в о б щ е с т в е ...
а ч а щ е :

в ч а с ы н о ч н ы е : з а с т о л о м

1968

МАКСУ ЭРНСТУ: РОЗА-ДВОЙНИК

пробито — и словно не в солнечный свет
а в свет-в-Идее
пробито — и помещена
роза-двойник: словно в комнате

4 декабря 1968

ПЬЕРУ ЭММАНЮЭЛЮ: ДВА ГОЛОСА

1

— откуда же река такая Смерти:
такой безмерный Сон! и весь — не Твой

2

— не Сон — а вся твоя душа
не ты а Я в тебе ее Просматривал

3

— откуда же об этом знаю я?

1968

СПОКОЙНО: ДОРОГОЕ НЕМНОГОЕ
(Надпись на книге)

Пьеру Жану Жуву

есть пробужденья зимний час
есть тот и этот друг — как будто свет дневной
в верленовом «*la neige incertaine*»
есть нищенство — тепло страдания:

и есть — «*Sueur de sang*»

и все легко — как редкий снег — впопад: меж мыслью и другой:

соседствует
и со-ставляется:

напоминанием достаточным —

о свете что во тьме

1968

ХУАНУ МИРО: ПУЗЫРИ ГЛАСНЫХ

и вот за Желтым нарисованным
я сплю и «спите ноги — говорю — и спите руки»
и гласные *И* раз и *Е* и *О* и снова *И*
летят сияя в центрах пузырей
из золотой слюны — из шепчущего рта! —
летят сквозь Желтое и дыры оставляют
и холодно и просыпаюсь

24 января 1969

**«ОБРАЗ СВЕТЛЫЙ» —
КАРТИНА ГРИГОРИЯ ГАВРИЛЕНКИ**

а видение — лишь тогда
когда уже плечами знаешь
и цвет и вид и поведение! —

— мне кажется: Его я знаю так! —

однако в тайне Он своей
как в пребывании таком
где зримость — лишь благоволение:

Уловленный иль Занесенный?.. —

Задетый пылью кое-где —

и Встряхивающий
эту пыль:

до нас... и до своей поверхности

13 февраля 1969

ЗАПИСЬ

о видах хамла
их конструкциях
судить — по смятому влажному
и вышвырнутому человеку
как по дырам и складкам бумажки
шевелиющейся в урне — на самом верху

19 марта 1969

ИЗ «РОЗ: ПОСВЯЩЕНИЙ»
(Надпись на книге)

Патрису де Ла Тур дю Пену

как через много лет
голодному
хлеб недоеденный — в траву когда-то выброшенный
присутствующим в мире кажется:

так в е щ и в снах печалят нас! —

всей жизнью в образе вещей
тогда как будто сами мы
разумному чему-то снимся... —

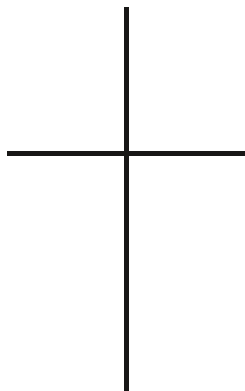
пусть э т о большее чем «я»
приветствует все вещи-образы:

из всей «Une Somme de Poésie»

1969

ПОЛЕ СТАРИННОЕ

о Божий
в творении Облика из Ничего
зримо пробивший
и неумолкающий
РАЗ



в образе Поля

1969

И: СНИТСЯ ЛЕС

В. Сильвестрову

края его светлы
как слово Д е н ь в Завете

и скоро боль растает

(все ярче... вглубь...)

и медленно-боляще
огнем становится исчезновение

(... в прозрачности — как в «Г л а с е с О б л а к а»)

1971

ТРИ НАДПИСИ НА КНИГЕ СТИХОВ

1

В. Ламаху

а золото иное
сон — Бога край — светлее
в вас огородники... а если прошумит
как роща?.. это — мы:
сон — Бога край... — он гуще и темнее
при нас шумящий

2

Г. Кухарскому

приснился ли Ему? и время — просыпаться?
Делил меня на части сна?
и жил = я оказался там
где что-то может быть
со сном Его случилось?

3

Л. Данильцеву

и колет до ума
в плаще-телесном: в теле!
и плащ тот — словно в ранах ножевых
кому такая маска? — Синеве
Небытия? ее бездонности?
как воет ветер ее? кому
в провалах этих жалуется?

1965–1971

В ЧАСЫ ЗАНЯТИЙ

Григорию Натанову

о эти точки света!
(как будто во верленовом
«*la neige incertaine*»
свечение таящееся:

родное Пребывание
что назову я «вы»:

вдруг: ночью: с болью вспоминающеся! —

когда душа — как страж
места упоминает
любимых много обликов:

когда Москва — как табор
(обоз во тьме ночующий)

7 декабря 1971

ОБЕД: КАРТОФЕЛЬ

Памяти А. М.

хоть плакать (за обедом) оттого
что у картошки (для руки) есть холод
как будто часть ее имущества
(как нечто миром-нищетою данное)

как то что есть семья теплом за дверью
а скоро будет брат мой нет

7 декабря 1971

ПОЭТ

(К 60-летию Яна Сатуновского)

из времени Костодробителей
в Аминазиновую Современность
мозг и кость переходит Поэта
Осью Неотменимой
необычайной Поэзии:
вместо пенья — такое Терпение
что под огненным небом Газгольдера-Места
выдерживая Спец-Обработку
слышен Небу другому мерцаньем безмолвным
маску тела отбросивший Хрящ
Все-претерпевшего Слова

21 февраля 1973

ДНЕВНАЯ ПЕСНЯ СОЛОВЬЯ

С. Ниточкину

ц о л к соловья
и солнца б л е с к
и сердца в з д р о г
и мира е с т ь
(о мира е с т ь : как ц о л к как б л е с к как в з д р о г ! —
и каждый в з д р о г — в-себе-весь-мир-соде́ржащий)

24 мая 1975

МОЦАРТ: «КАССАЦИЯ 1»

С. Губайдулиной

моцарт божественный моцарт соломинка циркуль божественный
лезвие ветер бумага инфаркт богородица ветер жасмин операция
ветер божественный моцарт кассация ветка жасмин операция ангел
божественный роза соломинка сердце кассация моцарт

1977

СЦЕНА: ЧЕЛОВЕКО-ЦВЕТЕНЬЕ
(Антуан Витез)

в опасности-Городе
для хрупкости взгляда —

сквозь страх-ослепляющий
(будто в без-зрении)
Города-Строящего —

веет-трепещет-и-веет
огнем-белизною — до сцены:

в пытке-сиянии взглядов-и-жестов:

— ч е л о в е к о - ц в е т е н ь е !.. —

(как — до яви — жасмина мерцание — свето-толчками)... —

а участие в круге-Сиянии
есть восхищенья-безмолвия —

(роль неожиданная:

освобожденный
взгляд-человек)

3 мая 1977

ОБРАЗ — В ПРАЗДНИК

В день 100-летия К. С. Малевича

со знанием белого
вдали человек
по белому снегу
будто с невидимым знаменем

26 февраля 1978

ДАЛЕКИЙ РИСУНОК
(Памяти Владимира Пятницкого)

1

деревья видеть — словно спать
приоткрывая в даль
сиянья край (и снова — край):
о этот ветер — за ветром!
из «ничего не надо» да из «никого не надо»
(и все светлей светлей:
«о просто ничего»)

2

деревья видеть это спать
не видя проживать
уже пройдя того не знать
лучом все меньше стать
и только таять сном в листве
и ничего не ждать

1979

ЧОНТВАРИ

бровь — как обрывок тропинки
да зеркало-нож: отражать
нищего брата
колпак —

с захороненьем рыданий: курган!.. —

боже! все — в высь! —

в оползнях
мозга (и так отдаленно)
скалы-да-розы — раскальваясь
в самой — давно — одинокой тоске
как по его же душе: по горам! —

ультрамарином и золотом
в белом-бездонном горя:

светом-стеною давно без конца
гор восхождение прокладывая
болью из лба — как листом из души! —

склоны-накаты
такие
горы —

в пятнах-и-водоворотах
глаз гиацингово-горестных
красных в крови да опаловых! —

лист-колебание: свет — к перевалу:

в видящих дырах

(когда-то
полными бывших
предсоньем)! —

и — поворот: чтобы в взрыве их (Господи)
не было б Первого белого:

чтоб — дописать
эти малые дозы
поддержки
вещам —

(чтобы — их на ноги ставить!) —

чтобы — до встречи глазами!.. — (воронки
были — до мозга горя:

окись роняя!.. — уже обнажив:

скалы-и-розы-и-ум.....)

1982

ГУАШЬ

М. Рогинскому

Поле, усеянное газетами; ветер перемещает их (нет конца и края). Брожу весь день, приглядываюсь: название — одно и то же (и то же забвенье: забыл и присматриваюсь — время проходит: не вспомнить); с портретом одним и тем же (и снова — забвенье). Где я? куда возвращаться мне? Вечер; бездорожье; шуршанье бумаги; Земля — вся из этого поля; тьма; одиночество.

1979

ОДЕЖДА ОГНЯ
(1967–1970)

СОН: ДОРОГА В ПОЛЕ

зачем тебе — почти несуществующему
искать другого —

праха не имеющего?.. —

что от дороги примешь? тень ее
содержит что-то...

пищу неземную:

не там она... тебе не обнаружить
следов того —

кто раньше посетил...

1967

К РАЗГОВОРУ О К. — ОЛЬГЕ МАШКОВОЙ

земля лишь мысль — свободно посещающая:

меняющаяся:

иногда известная
мне мыслью — Прагой:

и тогда я вижу
могилу в городе —

она — как горе-мысль:

земля — страдания!.. его — как мысли той
которая теперь так постоянна!..

скажу о той могиле «сон»:

и — как не верим яви мы при ранах —

он — словно снящийся
другому сну:

как будто нескончаемому:

мне

1967

АВГУСТ: НИЦШЕ В ТУРИНЕ

а в зренье было — словно что-то белое:

без веса — мраморное:

и без вещественности! —

от этого родства оно как будто
открытые провалы чувствовало:

и в мраморе в саду:

и в белизне бумаги —

прокладывались сквозь воздух — как сквозь шелк! —

в руке они внезапно раскрывались
пустыми
где-то
гроты оставляя —

и в общей и пустой раскрытости
(так долго небом неким отступающей)
самоисчёрпавшихся роз —

изрезано и ярко плакалось
сырой
воздушной будто известковостью

1967

И: КАК БЕЛЫЙ ЛИСТ

в прахе нет гласного... смерть — это звук:

к богу ли — крик?

он — в поверхности праха:

что же — п р о с в е т ?

о не жертвы сокровище:

не представленья!.. не звуки и песнь:

а — ослепи и прими:

и откройся — коль есть обнаружится:

о тишина - и исус!..

1967

СТЕПЕНЬ: ОСТОЙКИ

Варламу Шаламову

Вы сами уже посещаемы чем-то похожим на зарево:

и образ возможно
для всех состоялся:

от всех независимый:

не пламя ли это незримое нищенства
в ветре бесшумном:

недолгого облика? —

или возможность опасного е с т ь :

в освещаемых лицах —

как будто
раскрытия ждущих:

как что-то хранящие? —

или — не-явным накалом (как будто уставившись
зрением неким болезни неспешной):

всюду — невидимо — всех озаряющее:

о н о окончательное
Слова-Огня:

давно охватившее
даже местá уже наших предчувствий и мыслей? —

оно ли везде словно в ветре бесшумном:

без вести без духа:

само занялось?

1967

ВЕЩИ ДАВНЕГО ДОМА

Сестре Луизе

чему спастись?

только духу нищенства:

в вещах он наших — жалких и прощенных:

и словно воздух — в воздух:

тиха и одинока встреча их

с единой Емкостью — как свечное мерцанье:

во тьме поминовенья — нас

1967

РОЗЫ НА ВАЦЛАВСКОЙ ПЛОЩАДИ

Памяти Яна Палаха

и белые-по-дагестански
знамена-розы вы неисчислимы:

все время в ряд о в ряд по всей стране!

вы розы-головы: сиянием отверзты!
и кровоточите: «я Роза-Прага!..»

«я Роза-Сон: я на твоей груди»

25 января 1969

ПОЛЕ ЗА ФЕРАПОНТОВЫМ

И. М.

о небо-окно!.. —

о в далекое
чистое
окно сотворенное:

ветр — до земли — сквозь короны светил:

без шума
без веса:

в поляну-окно! —

и сосуда прозрачно-холодного
в отверстие — веянье:

в о к н о человека
(над полем по полю):

в чистую Чашу
ума-восприятия!.. —

и — в довершение мира соборно-сияющего:

творящее Смысло-Веленье свое
(Разговору подобное)
Светоначальностью:

ветр-озаренье! — из солнца-окна удаляющегося:

в ясное:

незамутненное:

поле-окно

1967

СНОВА К ПРАЗДНЕСТВУ

пока
в разгаре
праздник б л а :

что ж? — будь ты — сам — отравленным составом
как будто
места торжества:

куда и сам ты приглашен! —

и знай и знай:
т а м детскость есть —

включенная
на срок недолгий! —

и сын твой:

и твоя доверчивость:

ее
все лето
создавали! —

и есть
подобное
в тебе! —

и раною
еще
расширится:

вторично
выявив
б л а — я д :

ведь им
расцвечена давно:

потусторонность в этом доме:

что м и р о м д е т с т в а называлась!

за кокурою
детской трепетности:

он есть он темен:

остр и чужд

1969

ПРОГУЛКА: ГВОЗДИКИ НА МОГИЛЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

В. Лосской

...глас хлада тонка.
Из славянской Библии

...вот веет тонкий хлад...
В. Соловьев

а ясность! —

из боли: одной в этом мире:
была:

и «Вы» называя:

я знал эту боль
как единственную! —

и что еще было в той ясности:

в ее однородности? —

голубого три острова
словно воронки
для холода утреннего! —

и содержали они драгоценность незримо-пространственную:

как детские трубы! —

и — как они — за оградой трубили прощаясь:

все а по-очереди:

в «Г л а с х л а д а т о н к а »

1969

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК В ГОРАХ

кто озвучивал белое?
флейтой какую?
кого проявляешь — сияя?.. —

..... —

ты — с о н м у х а м м а д а ... — а было начало его — как детей
той страны
что душою давно уже избрана трепет духовный!.. — детей:

Белокостных:

Опор — на равнинах!.. — и словно пронизанных
гласными — полости солнца подобными! —

и — длится он явно:

с о н м у х а м м а д а ! .. —

есть он — в горах! — пребывает в горах продолженьем его
и его глубиною:

белого — в высшем накале — с а м а Белизна! —

не до-увидеть — не только глазами:

но и души чистотою:

пламенем высшим — уже и не жгущим —
ее отрешенности...

1969

ŠERNÁ HODINKA: НА МОГИЛУ К.

О. Машковой

о свет безымянный
людей бессловесных:

об их пребыванье уже по-иному — как будто о
новых страстях — не для мира
свидетельствующий:

нищенство — всюду во все проникающее! —

светится им
как известкою божьей:

поверхность столба надмогильного! —

а е с м ь его — словно вещественность
нищенства внутреннего
(знаем как боль
и достаточно):

(боль еще знаем):

да: нищенской в е щ ь ю
светится э т о среди вас
в Вечере-Мире явления-Праги
памяткой — знаком — и — памятником:

миру который теперь — только боль! —

и язык Мира-этого-Боли
держится светосодержаще:

нищенской — новой — вещественностью:

есть он — не действуя!
как понимание:

жертвами:

жертв

1970

КАХАБ-РОСО: МОГИЛА МАХМУДА

входили словно в некий сон
и в пустоту опасно-нежную:

как в место шепота прозрачнейшего
в движенье в поле
в легком вздрагиванье! —

и вновь казалось: м у х а м м а д о в а
здесь белизна тонка особенно
все-заполняющего с н а ! —

и он мелькал
рябил мелькал
тот остров легкий Кахаб-Росо:

Святого Духа чистых трав! —

гречихи золотое е с т ь
его пыля обособляло

1970

ČERNÁ HODINKA
(1970–1973)

ПОЛЕ: В РАЗГАРЕ ЗИМЫ

Рене Шару

бого-костер! — это чистое поле
все пропуская насквозь (и столбы верстовые и ветер и
точки далекие мельниц; все более — будто из этого
мира — как не наяву — удаляющиеся: о все это —
искры — не рвущие пламя костра не-вселенского)
есмь — без следов от чего бы то ни было
не по-вселенски сияющий
бого-костер

1970

РОЗЫ В ГОРАХ

откуда боль?
желание не быть? —

иль иногда мы знаем:

сама «я»-красота
вдруг: т а м:

которую мы помним? —

как смерть: и рядом и недостижима?

не-действующая:

:

а чистым бого-голосом:

(без цвета
без идеи даже мѣста!):

(как дух
где боль уж не содержится):

все более
и более:

«я»-красота
что может стать
единственное е с м ь? —

как бого-красота! —

(а что — для нас? —

идеей
будто
нищенства:

окружена
пока
и болью цвета:

и болью — может быть — души)

1970

ПОЛЕ: ТУМАН

Сестре Еве

а сердце проваливается! — вдруг — представляются мне состоянья тумана:

определенья — как счастье и горе просты:

т у м а н — лишь «люблю»:

з а д е в а е т о н с р у б — («душу б отдал за это!»):

ж н и в ь е у в л а ж н я е т — («оплакиваю»):

с т е л е т с я — («плачу... — как будто прощаюсь всю жизнь я с Родимой и Нищей в родимо-печальном ее одеянье: всегда — навсегда — домотканном:

с болью оплакивая
уже навсегда — в состоянии этом»):

«плачу» — (и стелется — так же родимо — и одиноко — туман)

1971

И ВНОВЬ: БОЯРЫШНИК

В. Сильвестрову

о лѣса голоса-места! —

опять
как годовщина некая
пора их ясности
и силы:

опять
они в соборе том же
где нет уже
для них потерь! —

и образом такого часа
светящееся среди них
что хочется воскликнуть: счастья время! —

поет боярышника место:

поет извечно-младший Голос:

как самый божий!
и все больше самый:

тот голос что как Бог ведет:

«я»-голоса объединя! —

собором из поющих мест в лесу
все божество поет! —

становится

1971

ДОЛГО: СОЛНЦЕ

долго

(и в той долготе — непрерывно-внезапно):

за однородным
соборным потоком:

(высокой молитве подобном:
без слов без отдельности мыслей):

за этим струением
стройности чистых осин:

Ты — родственно зрящее! —

живо — как сок —
сообщающееся:

(живое — как будто лишь чистою болью
трепещет возможная жизнь материнская:

кровью: незримою ясностью!):

живое! — и не прерывающееся:

единственно — ярко и суще — как кровь! — отвечающее:

словно незримое! — некой душою единственной
в с ю д у спокойное:

Смысл-Солнце!..

1972

СНЕГ С ПЕРЕРЫВАМИ*

*Посвящение. Виктору Ворошильскому, братски.
14 февраля 1973*

а снег идет
как почту ждем мы смерть
о как давно он — лишь безмолвие
и вихрь — как смерти тишина
мы сами — не слышнее этого
и пребывая
ждем как почту

(а данность снега
снего-есмы
как дело отчужденно-личностное:

как будто похороны сна)

все уезжают
мы одни
страна — как место где умолкло Слово
весь год — ритм-пададь среди страниц — как в розах
(«да ты теперь такой»)
живу ли сон ли хороню
единственный
лишь мне понятный

(о сон мой в розах — сон в листьях белеющих)

как сердце слабо — так пусть говорится
пусть будет просто: снег да снег
и уезжают
выбор сделан

* В оригинале кресты красного цвета.

прощайте все кто распрощался
и ждем — как будто кто-то ждет — безличностно мы ждем как
почту!..

и снег идет
я с сыном у окна
сон хороню один и тот же —

(укрывшись
словно в одеяло:
в сон
и зная: снег да снег):

(о снова ты

свобода — сон)... —

... и — Господи! — вдруг — ясен день
как будто
только что
сказалось Слово:

и слышим — Я с н о с т ь ! —

сразу — после отзвука:

умолкшего — не пробуждая — и не тревожа жизни в нас! —

из мира
вдруг его осмыслив:

легко и мирно в з я т о г о

1973

ТЫ — ЛИКАМИ ЦВЕТОВ

Господь, Ты — ликами цветов на том — раскрывшемся мне —
свете самих цветов!..

(О, как бело, пугающе! — как память о белизне отхоже-яркого!)

И вглядывается душа:

вот — крест-цветок и циферблат-цветок, цветок-часовня
и цветок-собор и —

Господи! — цветок-«я»-Мертвое — в себя (пока живого)
всматривающийся.

И — отступи, душа, пред самым страшным,
сияющим, все концентрируя,
сияющим, как будто властным
все исчерпать, приняв в себя! —
(еще немного — и меня всего!).

Не вымолви, душа: «Господь-цветок»,
чтоб не успела Смерть раскрыться в нем.

1972

МЕСТА В ЛЕСУ: ПРОБУЖДАЯСЬ

когда наш сон — лишь око
(не действующий сон-актер)
вдруг-огнь-ли-некий-жаром-пробивающе
сверх яркости вы есть
во сне-Трубе-подзорной (око-боль):

когда — не сон-актер!.. —

а что ж за вами? там? — когда
ваш уровень
так существующ?.. —

когда: лишь око-сон

1972

ОКРАИНА: ТИШИНА
(Памяти Поэта)

Н. Я. Мандельштам

секунда в пробуждении:
застенок-чудо!.. тишина... —

(светло и странно:
камера-секунда):

и светом-сталью
отблеском-зубцами
не входит день
в Я-есмь-лицо... —

(как были льдисты те зубцы когда-то!):

не входит
в крошево его... —

и части не раскалывает
пульсирующего зренья-белизны:

(как детский свет страны — та белизна добытая
не-действующей детскостью:

и так спокойна словно детство родины
и ширь хранит
и свежесть)... —

:

и атомом-молитвой-точкой-страха:

(жемчужину б
ко лбу
чтоб утишить!):

и всюду-кожей-страха:

как будто распыленной:

есть — как Творенья зримость — есть :

губ тишина... — воспетых ими же
когда
живыми были просто
как тело
как любовь! —

:

(и почва тем губам — теперь секунда яви:

очищенная за ночь
дочерне-женским сердцем
в непреходящей боли:

и есть в ней — как Творенья вид:

лик голоса:

«да,
я
лежу
в земле»)... —

:

и шевелятся
губы — свето-сгустки

превосходя и зренье
(как нечто «до» — при зарожденьи света!)
и все же ярко-есмь:

(и зримо-разрывающе: «Я – Есмь!»):

во-Всем-что-боль
и — свет!..

в застенке-камере секундном

1973

**ЗАПИСЬ (С «ПОСТОЯННЫМИ ЭПИТЕТАМИ») —
ПОСЛЕ РАЗГОВОРА
С ЧЕЛОВЕКОМ ИЗ «ОТДЕЛЕНИЯ»**

Тотчас раздался стук и в комнату
вошел какой-то человек.
Ф. К.

щеки бледны
(в голове: «будто жидкость в тряпье у повешенного»)
тонки ресницы
как будто звучанье «инструкция-чтоб-инъецировать»
сини глаза
ядовитостью трупной мерцания «формы»-одежды
камни вокруг покрывая под кожей
нерастворенные: дела-убийства
(день исковеркан: домами напротив и небом
вьюгой березами врезывается
тусклостью-яркостью: в ум — точно в кость! —
этот «портрет» посетившего)

1973

ТИШИНА-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
(1974–1976)

ТЫ МОЯ ТИШИНА

о тебе говорю
я крайним звездам прозрачной зимы: «о как можно
быть такой тишиною?...» —
ею — может быть — я окружен как безмолвием поля с мерцанием
участливо-ясным
но не очиститься
душе моей зыбью ее и волнами неслышными
как проясняется сон мой — как будто давно — без меня — уже
бодрствующий
приснившейся в этом году белизною
такой милосердною — к миру... —
но когда-то — возможно — убудет и цельность твоя и твоя полнота
неколеблемая
столь простая и ясная как благодать
хоть на каплю слезы за меня
и когда я исчезну — ты выскажешь горе
без слов — только отблеском горя
а взамен — словно вздох — примешь чистую долю
и стойкую меру
такой пустоты что и жизненной будет и смертной
словно там где не может быть Духа
пребывает Его утешенье... —
но — люблю я и знаю: для Бога нетронутый
сохранится твоя тишина

1974

И: РОЗА-ДИТЯ

Сыну Алеше

вижу — и думаю с болью — и вследствие боли я вижу — и снова
я думаю с болью — и снова я вижу... —

боль от любви — это длящаяся
на длительность жизни! —

это — как круг из видений и мыслей... —

это — светило из боли:

вместо огня заполняемое
болью безбрежной и неиссякаемой —

центр-озарение жизни моей:

все же — было в безмолвии: место
Свободы и место Победы:

и — место Любви! —

тишина и сияние сына... —

последняя роза:

дитя... —

(о все видится мне: даже зубки нежны словно сердце!.. —

а свет глаз — словно песнь
на лице беспределен и неограничен)

1974

НЕМНОГО

счастье — *«Немного»*

блаженство — *«Немного»*:

о шепот: как ветер — от солнца:

хлеба — немного... и света дневного... —

и — малого шума людского

как пищи — для Смерти готовой... —

чтоб мирно ее мы встречали

как будто мы все и всегда у любого порога —

в страдании братском... —

о наша свобода!.. — свеченье душевное:

простое:

«Немного»

1975

ТИШИНА И УЛЫБКА

о света людского
разрыв и разлет! и на каждом шагу
исчезновение
как в тайники:

страдания ли детски-особого-женского
сияния ли материнского? —

(а что говорить мне о том что мерцает бело-утаенно
как тайное сердце всесильное нежностью и
что — может быть — только тайна двоих?) —

и все же и все же
разрыв и разлет! —

(была эта песня земная — так скажет судьба
без меня в продолжении жизни с людьми) —

а боль мне такая известна
что ц в е т ее знаю!.. —

но есть — эта песня земная! —

с утра — как навек — оживление жертвенное
(о даже картавостью свето-разрывной)
пространства творимого окнами
где-то в уютном
Ненастье-Стране... —

свеченье твое золотистое
во тьме — как в судьбе

1975

ЗАПИСЬ: АРОРНАТИС

К. Б.

а была бы ночь этого мира
огромна страшна как Господь-не-Открытый
такую бы надо выдерживать
но люди-убийцы
вкраплены в тьму этой ночи земной:
страшно-простая
московская страшная ночь

1976

ВЕТКА ВЕРБЫ В ОКНЕ

(Памяти Константина Богатырева)

Оцепеневший от несчастья и покрытый
ледящим туманом, я проснулся только
тогда, когда пришли известить меня, что
мой лучший друг убит

Пьер Реверди

ветка ветка
все та же
весь месяц... —

душа золотится
в квадрате окна!.. — а сквозь это:

ВРЕЗ —

(как говорят в их редакциях):

перчатка — железная — чтобы — погладить!

.....

и кровью цветет
семьи и души пронизывая
ветками гулко-внежизненными в их одиночестве
— КРИК-ЧЕЛОВЕК
не имеющий эха

.....

(все поле мерещится поле пустое о минус-мой-друг
Боже! такой же заброшенности
— мокрой как кость
такой же оставленности)

.....

(из яркости дня
в души просачивающаяся
— тьма безущербная
с сверх-твердым беззвучием

неиссякающим)

.....

...о светит сегодня

одиноко по-зековски и окончательно

Кровь-Мозг

раскатами Полости — созданной наспех

тоже строительством их

(и отстранение только такое

было возможно

от Быдло-Истории —

(такими раскатами кормится

это сверх-Место)

.....

а золотится душа и задерживается

живая

в окне... —

.....

(и чистые в днях и ночах

только ветер да свет! —

не-текущее время — застывшее поло-бесцветно
пустым монументом победы Не-жизни:

время которое высосано

до пустоты

где проклятье не действует) —

.....

.....

(друг — знавший начало безмолвия друга) —

.....

.....

...тьма

я

на ощупь...

как в поле сыром... —

.....

(«друг» — говорилось... —

друг
тьма —

друг
я
на ощупь
на шепот
на ощупь —

я друг)

1976

ПОРА БЛАГОДАРНОСТИ
(1976–1978)

ОЗЕРО И ПТИЦА

Озеро — столь восхитительно-неправильно-круг-
лое, столь отдаленно-прозрачное, что проявление
наше пред этим — лишь Благоговение.

А в самой его середине — на скале ли невиди-
мой? — птица: трепещет, размахивает крыльями,
трепещет — и не взлетает, — и кажется: было от
века здесь так и быть этому — вечно.

Скоро — лишь Солнце. Счастье Огромности.
И существованием-вздохом единым:

«Аминь»

1976

СЫНУ СЕНТЯБРЬСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Алеше

когда сиянием не стары звезды
разноголосицей младенческой
как будто звонки в блеске —

такую чистотою родниковой
тоска лучится (через час-другой лишь ею однородною
лишь в излученье будет Пребываемое):

Сыновьей ли назвать ее?
как будто
свободною от чувств — Земли? —

(такое что-то есть: болит как будто воздух) —

и что сказать тебе?
есть в этом для тебя
мое такое место: просто больно! —

да так — бескрайно!
будто боль разрыва
с тоской Отцовской — по-людски проходит:

сквозь душу — словно сквозь Вселенную

1976

ОБРАЗ: КЛЕН

Двухлетнему клену сентябрьскому

в воздухе
караули бога-дитяти
вздрагивая
от Дуновенья

1976

ПРИЗРАКОМ НАДПИСИ

Сестре Еве

была — освещенная
(какая ни есть)
полями — словно
путями-проемами Духа —

полями такими
насквозь озаренная
будто как свет с образóв
веяла с чистых холмов белизна! —

была (и душой называлась когда-то)
жизнью моею
(какая ни есть)

1977

ХОЛМ: СОСНЫ: ПОЛДЕНЬ

Солнце
Остановленное
Словом

1977

ЛЕС: ВСТРЕЧА-ЮНОША

Просто — выяснение дороги.

Позже — наступает «потом».

Словно мгновенно — и долго — и только что —
озеро явное — некое — было: мерцающе-умно-безмолвно.

И тотчас — давно.

(Рассеянно-чисто.) Не скоро домой-возвращение.

(«Так и душа...» — колыбельною песней: прощанью! — сложить бы:
грустнейшую в мире — из фразы лишь этой:

с чередованием безмолвия
чисто — далёко — безлюдно:

«Так и душа...»)

1977

ФЛОКСЫ: БЕЗВЕТРИЕ

так остановлен ветер
что ныне будто свет
в котором — ваш покой
и наблюдающие вы — той белизною остановленной
легчайшей в свете дня

(за вами Простота что не сказать
такая что — Сама)

сияньем наблюдающие
не-скрыто-не-раскрыто
а как — в толпе святого тихо сердце
и как младенца в доме целомудрие

(та чистота в глазах
что-только-чистота)

1977

ТЫ-ДЕНЬ

и до сердец стрижей особо доходящий
был легок ветер — носитель счастья:

(ты сам настолько много всюду был!) —

мерцанием-молитвой за тебя
прощая
День
огромно возносился! —

в стрижах — кричала (как дитя-душа):

насквозь-недосягаемость! —

однако в ней была открытость — здесь
как будто
от луча! —

и слух был — тайно-тих... —

(в тебе — как в крике — чуткий)

1977

ДОЖДЬ

и моросит и утихает
как будто возится сама с собой «случайность»

(как «одаренность» годная лишь для набросков жалких)

как будто «есть» «живет»

(в кругу — как я — ненужности)

1977

И: МЕСТО РЯБИНЕ

Лес — весь в пятнах крови — храм опустошенный.

(Как без птиц: без душ. Без-словье и без-звучие).

И — у входа: вся — подобием:

Параскева-Пятница-рябина.

1977

ХОДЬБА — ПРОЩАНИЕ

отцвела земляника

отзвучала безлюдно вечерня лесная

и осталось такое смотрящее умное Солнце

ТАКОЕ ОСТАЛОСЬ

1977

И: ЛЕПЕСТОК ВМЕСТО СЛОВА «КОНЕЦ»

его
когда книга дописывалась
в ночь перед отъездом на белую бумагу рядом с карандашом
флоксы на столе уронили —

и:

не «прощайте» — а *сердце* само:

по земле
и по сердцу родные —

(*душа* — как «спасибо» само:

за — Слово)

1976

**ПРОВИНЦИЯ ЖИВЫХ
(1978–1979)**

ТЕПЕРЬ ВСЕГДА СНЕГА

Н. Б.

как снег Господь что есть
и есть что есть снега
когда душа что есть

снега душа и свет
а все вот лишь о том
что те как смерть что есть
что как они и есть

признать что есть и вот
среди света тьма и есть
когда опять снега
О-Бог-Опять-Снега
как может быть что есть

а на поверку нет
как трупы есть и нет

о есть Муляж-Страна
вопроса нет что есть
когда Народ глагол
который значит нет

а что такое есть
при чем тут это есть
и Лик такой Муляж
что будто только есть
страна что Тьма-и-Лик

Эпоха-труп-такой

а есть одно что есть

когда их сразу нет
— о Бог опять снега! —
их нет как есть одно
лишь Мертвизна-Страна

есть так что есть и нет
и только этим есть
но есть что только есть

есть вихрь как чудом в миг
нет Мертвости-Страны
о Бог опять снега
душа снега и свет

о Бог опять снега

а будь что есть их нет
снега мой друг снега
душа и свет и снег

о Бог опять снега

и есть что снег что есть

1978

СОН: ГОРЫ — ВСЕ ДАЛЬШЕ ОТ КАХИБА

долго двигаясь
будто — закат!.. —

эти горы душа
строит так: задохнуться!
из себя ли такие
тайники помещает в ущельях
и — взбираясь — в жилищах:

скажешь: трогает душу своя же душа! —

из того же — шумы ли? движенья ли смутные? —

бедных — где-то — тепло?.. —

люди-души — своей же души! —

к лицам (вздрагивая так: разрываясь!)
прикасаются... — родней?.. — не бывать

1978

В ВЕТР

Было и осталось...

Я. С.

1

это вещи его и в вещах так тепло
и тепло — его шаг
и от дома его в этом мире тепло
и тепло от него
хорошо от деревьев его и уютно от трав
словно вместе сияя одним
(а как счастье мелькало мое: дуновенье ведь было такое
среди вещей как в дому)

2

я как будто в муке а ведь так хорошо
в этом холоде странно-уютно
я полою одежды укрыт в этом мире
в ожидании легком
это счастье мое как за вьюшкою здесь
и буран за селом
я не знаю других (о священно-народный
словно мама народ)

3

а теперь ведь пора (я не знаю других)
и буран среди дров как душа
да шаги как тепло а его разве нет
и любое лицо словно ветер чтоб укрыть
и страдания свет навсегда по краям
создавая ту родину в мир
(и все так же — как шорох! и место его
там где нет своего из души)

ЛЕТО С АНГЕЛАМИ
(1992)

ОТ АВТОРА

Летом 1992 года, бросив курить, я долго не был способен к какой-либо умственной работе. Единственное, что мне удавалось, — это заполнять однострочными багателями шуточную записную книжку, подаренную мне женой и озаглавленную: «Прощание с белою дамой под голубым покрывалом» (то есть, с сигаретой, — мучительное прощание с этой «дамой» произошло после сорокалетнего «романа», курил же я, — во все это время, — больше трех пачек в день).

В те «нереальные» (до галлюцинаций) дни, немецкая художница Андреа Шомбург, чтобы утешить «некурящего больного», принесла нам горшок с белыми цикламенами, — вскоре, в упомянутых багателях, они стали превращаться в «ангелов», обиходным стало и название — «Лето с ангелами» (хотя дело происходило осенью, но в Берлине все казалось одним нескончаемым «летом»), и я сохранил здесь это название, составив небольшой цикл.

Берлин. Январь 1993

1. Пролог к «ангельским» багателям

ветер: Бог потерял тетрадку со стихами о цикламенах

2. Появление цикламенов

ангелы играют в карты конечно же ангельские

3. Осень: туман

падают птицы улетают листья на юг

4. Продолжение цикламенов

гуси Бога идут на водопой

5. Другие цветы справа от цикламенов (рождественская звезда)

называются «мама выходит замуж»

6. Приятное видение (или: Ц-18)

ангелы идут в школу — в первый класс

7. А слева — одинокая азалия

ветер: простуженный Бог уронил носовой платочек

8. Снова — маленькая стайка цикламенов

инсталляция ангела — Цветочника Богоматери

9. Та же азалия

и плачет в тумане одноглазый Бог

10. Дальше: Ц-21 (то есть двадцать первая запись о цикламенах)

ангелы на ипподроме

11. Конечно же снова о них умо-по-мра-чи-тель-ных

с циркулями и линейками ангелы в небесном конструкторском бюро

12. Незабываемое видение

ангелы провожают Святого Доминика в армию

13. И опять возвращаясь к ним (цикламенам)

переполох среди ангелов на уроке рисования

14. Очередное событие

ангелы прибывают на конгресс «зеленых»

15. Снова цветы по имени «Рождественская звезда»

раскрасневшаяся мама за ткацким станком

16. Просто Ц-24

ангелы слушают новое стихотворение одного из ангелов

17. Листопад в саду

и падая дни детства взрывают старость

18. Снова они (цикламены) — как струнный ансамбль ангелов

крылышки смычки крылышки

19. Вот и Ц-25

ангелы народные заседатели

20. Ц-27 (или: в одной небесной мастерской)

ангельские стружки

21. Снова — «рождественская звезда»

мама под красным солнцем жнет рожь

22. Новое превращение цикламенов

секунды остановились и надели белые шляпки

23. Просто: цикламены-34

ангелы в самолете

24. Дальнейшее превращение цикламенов

секунды надели белые перчатки и двинулись вперед

25. Ц-37: что ж случилось между ангелами

странно: почему-то летят пух и перья

26. Снова — незабываемое видение

застолье ангелов

27. Дальше — Ц-41

ангелы прощаются — машут крыльями

28. И: долгий эпилог

телега с ангелами удаляется и исчезает

ЧТО ЗАБРЕДАЕТ В СЛОМАННУЮ ФЛЕЙТУ
(1995)

1

Без ветра..... — поле — вдруг — остановилось, как седеющие волосы.

2

Все из «души» состояло — понятие «здесь».

3

Человек разговаривает как можно проще с публикой; с другим человеком, с глазу на глаз он разговаривает сложнее; и уже совсем сложно — с самим собой.

4

Поэт в лачуге, — покой.

5

И не с «натуры», а с тишины... — и отчаяния, подобного слепящей «невидимости».

6

И глядя на сосны..... — сердце — все медленнее — по небу.

7

Словно высох источник, начинающий — Волгу... — так, мелос умирает — в поэзии (и без чего-то, подобного «сердцу», будет — народ).

8

Несколько соломинок — по ветру, этого достаточно — для утешения-и-счастья — от мира.

9

И всюду ходит по Земле Он, — N. убийц.

10

Терпеливо стать «конченным», — продолжать трудиться, приняв это «качество».

11

Лечебница души моей, — лес.

12

И снова алее закатный свет — на кланяющейся голове.

*Тверская область
деревня Денисова Горка,
Июнь–июль 1995*

ВЕТЕР ПО ТРАВАМ

(Кое-что из российского бельманизма)

(1996)

*Эпистола Игорю Улангину —
вспоминая его бельманиану*

когда за взорвавшейся паникой ласточек в сердцевине Дня
мерещится некое Поле-Окраина (некой Земли «святой»)
следы и остатки многонародных убийств —

здесь — в деревне тверской — трепещущие березы как мысли о казни
а беспокойные маки наклоняют сердце и голову —
(... к исчезновению...) —

смотрю на солнце «как давно его нет Нерваля» —

и «музыка покидает нас тихо как Бог»
(старая «зависшая» строка — никуда не вошедшая)

и — тогда —
вспоминаю я *бельманиану* шубашкарского художника — где:

будто переживается сердцем — шея трущаяся о воротник
и движение женской спины с порывистостью скопасовской
словно повесть о страсти и одиночестве —
и:

будто рассматриванием грустным невыброшенной
(«тороистической») кружки
тремса мы сами — душой-засыпаньем — о теплую изъеденность
жизни
и радуемся (будто возможно чуть-чуть *заморить червячка*)
вечно-простой простоте
скажем жестянки
«ручной» деревяшки
тряпья —

«чуда»-иль->простенькости» —

(вновь — этот шепот: «шапочка где-то валяется
всегда поднимать тяжело
душу свою поднимаешь») —

и «дошедшесть» и «конченность» человека честнее
(как у Педэра Эйзина)
современных «персоналистских» побед... —
..... —

и вспоминая все это — вызываемое бельманианой Игоря Улангина
об этом искусстве
шутя говорю *интимизм* (жаль что звучит это плохо а
впрочем многое в истории «измов» звучало не лучше) —

(... а «когда-то» ведь так и писалось-и-рисовалось:
— нечто «человечье-и-божье» — «с натуры»)! —
..... —

и как же «разворачивается» это? что — далее?

вот — за взорвавшейся паникой ласточек
свет-Дня-как-«вечность»
подрагивает — ровен! —

а по вечерам —

по улице продвигается твой голос синего цвета (это я говорю Г.Б.)
и туман — как стадо — входит через мост в деревню —

и жалкость жизни тепла и прекрасна
(и хочется спрятаться в некий охраняющий свет) —
.....
..... —

здесь — постскрипtum — Игорю Улангину

— и еще вспоминаю как мы с тобой наблюдали
Алкогольный («рабочий») *Лаокоон*
долго (с паденьями и подъемами) пересекавший
улицу Бельмана (быв. Дзержинского) в городе Шубашкаре:

(ох и натура!.. — антология — справочник — спектакль —
экспозиция
стонов гримас спотыканий) —

а кончилось тем что оставшийся из них в одиночестве
сидел — посреди дороги (шарахались машины) в молитвенной
позе —
с воздетыми к небу руками
а навстречу шло — стадо студентов (шарахались машины):

о Боже! о Фредман!
о *интимизм* —

мировой-шубашкарский... —

.....
..... —

и — пост-посткриптум:

— это все умирающее во мне и есть теперешние мои леса и дороги
(чуть «сердечнее» выплывают — лишь иногда — овраги)

август 1996
д. Денисова Горка

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

вспоминая его бельманиану — речь идет о серии иллюстраций художника Игоря Улангина к чувашскому изданию однотомника шведского поэта-трубадура Карла Микаэля Бельмана (1740–1795).

Шубашкар — чувашское название города Чебоксары.

скопасовской — относящейся к древнегреческому ваятелю Скопасу (IV в. до н. э.).

«тороистической» — имеется в виду рассуждение о «пригодности старой кружки» в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» американского писателя и философа Генри Дэвида Торо (1817–1862).

Педер Эйзин — чувашский поэт (1943 г. рождения). Привожу здесь в моем переводе характерное для него стихотворение, переведенное на ряд европейских языков:

И мы — молодцы,
и вы — молодцы,
более, чем мы, молодцы
еще есть.

И мы — богаты,
и вы — богаты,
более богатые, чем мы,
еще есть.

И мы — дураки,
и вы — дураки,
более глупых, чем мы,
больше нет.

Г. Б. — Галина Борисовна Куборская-Айги.

улица Бельмана (быв. Дзержинского) — улица Дзержинского в Чебоксарах была переименована в улицу Бельмана в «Дни Бельмана» в апреле 1995 года.

Фредман — полулегендарный персонаж «Эпистол Фредмана» и «Песен Фредмана» К. М. Бельмана.

ЛЕТО С ПРАНТЛЕМ
(1997)

О КАМНЯХ ПРАНТЛЯ

Он не делает из камней изображения.

Каждый камень, под его руками, становится уникальным творением природы, совершенством, — самим собою и, одновременно, шедевром художника. И создают это — линии, впадины, «желоба» прикосновений скульптора.

Мы с женой должны были ехать на выставку Карла Прантля в швейцарский город Санкт-Галлен, я обещал организаторам, что приеду с чем-то «стихотворным», посвященным Прантлю.

Записывать строки этого «стихотворного» я стал в тверской деревне, где проходили наши предотъездные недели. Постепенно валуны в полях и лесах стали превращаться в «прантлей», — мы говорили друг другу: «Это там, за родником, где четыре прантля».

И камни, и валуны в тех тверских полях так и остаются для нас, с тех пор, «прантлями».

Выдающийся австрийский скульптор Карл Прантль (1923 г. рождения) знает, пожалуй, камни всех стран мира. Во многих из них он жил и работал, был с выставками своих творений.

3 апреля 2000

1

Поле и камень.

2

Поле, — задели песню, — дрожь.

3

Снова — вспоминающие что-то облака.

4

Сон: Зал-Поле Прантля.

5

Места понятий: «Ушел», «Останутся», «Навсегда».

6

Камень в тумане.

7

Черемуха — «не для людей» (век — где-то — прошел).

8

Валуны и пастух (давно).

9

Поле: голос кукушки — издали: обозначение дали — здесь.

10

Снова — Зал-Поле Прантля.

11

«Он», «вот-вот», «Войдет».

12

На сосне работал и пел — дятел.

13

Сосна.

14

Поле, — песня — будто порезанная.

15

Охотник и Валун (как — Книга).

16

Шестнадцатая страница: Солнце над горизонтом.

17

Снова Вещи Другие — среди людских вещей.

18

И Он Смотрит сквозь песню.

19

Бедность, — гравер.

20

И закатное сияние сосен во сне.

21

Поле: Свист Сиротства.

*Денисова Горка
26–31 мая 1997*

КОММЕНТАРИИ

В «Провинцию живых» включены стихотворения из разных книг Г. Н. Айги второй половины 1950-х — конца 1970-х годов, а также несколько «минималистических» циклов 1990-х гг. Этим пришлось и ограничиться — из-за объема, определенного для изданий серии «Часть речи». Не вошли в этот том поэтические циклы и книги, в основном выходившие (иные из них — неоднократно и в переводе на различные языки) отдельными изданиями: «Поле-Россия» (1979–1982), «Время оврагов» (1982–1984), «Тетрадь Вероники» (книгу, посвященную дочери, Геннадий Айги начал писать сразу же после ее рождения; она сложилась из стихов, созданных с января 1983 по июль 1984 г. Вскоре последовали переводы на несколько языков, тогда как отечественное издание «Тетради...» появилось только в 1997-м — в московском издательстве «Гилея»), «Холмы-двойники» (1983–1985), «Все дальше в снега» (1984–1989), «Продолжение отъезда» (1991–2003)», Мир Сильвии» (1991), «Поклон — пению» (1988–2000).

Книги стихотворений Г. Айги (далее Г. А.) не издавались в России довольно давно (со времени выхода последнего издания, маленькой книжки, напечатанной в издательстве «АРГО-РИСК», прошло уже шесть лет; см. ниже в «Условных сокращениях»: *Расположение*). «Гилея» в 2009 г. выпустила Собрание сочинений (СС), состоящее из семи миниатюрных томов (СС-7). В том же году Чувашское книжное издательство напечатало второй том другого СС (стихи на русском языке; первый и третий тома этого Собрания составились из стихов Айги, написанных по-чувашски, и его переводов из мировой поэзии на чувашский; в четвертом томе, последнем на сегодняшний день (вышел в 2019 г.), собрана большая часть «неформатной» прозы Г. А.: статьи, интервью, эссе, мемуары etc.). В этом томе (СС. Т. II) опубликованы почти все известные поэтические тексты Г. А., но комментарии в нем сведены к указаниям на источник публикации. В «гилейском» семитомнике без комментирования, за неимением времени, решили вообще обойтись. Оба Собрания сочинений сейчас малодоступны: издание «Гилеи» в силу своей малотиражности (750 экз.), чебоксарское — по причине плохо налаженной системы доставки книг, выходящих в столице Чувашии (даже до Москвы и СПб. доходит далеко не все ценное и нужное).

Вообще, книг стихотворений Айги, содержащих комментарии, до сих пор практически не было. Редкие и краткие авторские примечания, разбро-

санные по разным изданиям, а также единственное комментированное «Избранное», которое, вопреки выходным данным, включает не только стихи, но и эссе-статьи-заметки (*Айги-2008*), погоды не делают.

В этот том избранных поэтических текстов *Г. А.* мы включили комментарии, придающие книге дополнительный объем. Они вводят в контекст и атмосферу творческого существования Айги, времени «жизневыдерживания» (его собственное выражение), выпавшего на долю ему и его друзьям — ныне широко известным художникам, музыкантам, режиссерам, переводчикам, писателям и поэтам. Во многих случаях мы представляли слово самому *Г. А.*, приводя фрагменты из его интервью, эссе, статей и мемуаров (преимущественно по *Разговору* как наиболее доступному изданию, вышедшему тиражом 3000 экз.).

Тексты публикуются по *СС-7*, в отдельных случаях — по *СС. Т. II* и *Айги-2008*.

Условные сокращения

Стихи-1975 — Стихи 1954–1971 / Ред. и вступ. ст. В. Казака. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1975.

ОЗ — Отмеченная зима: Собрание стихотворений в двух частях / Издание подготовила В. К. Лосская. Париж: Синтаксис, 1982.

Теперь — Теперь всегда снега: Стихи разных лет / Рис. И. Вулоха. М. : Сов. писатель, 1992.

Разговор — Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи / Сост. Г. Айги и А. Мирзаева. СПб. : Лимбус Пресс, 2001.

Айги-2008 — Стихотворения. Комментированное издание. Сборник / Сост. Г. М. Натапова. М. : ОАО Издательство «Радуга», 2008.

СС. Т. II — Собрание сочинений. Т. II (Стихи) / Сост. Г. Б. Айги. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009.

СС-7 — Собрание сочинений. В 7 тт. / Сост. Г. Б. Айги и А. Макарова-Кроткова. М. : Гилея, 2009.

Айги-книга — Айги-книга / Сост., вступ. статья и примеч. А. Мирзаева. СПб. : «Свое издательство», 2014.

Расположение — Расположение счастья: Книга стихов / Реконструкция Н. Азаровой и Т. Грауз. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2014.

СС. Т. IV — Собрание сочинений. Т. IV (Статьи, рецензии, интервью, эссе, воспоминания) / Сост. А. П. Хузангай. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2019.

За особые заслуги (С. 6)

Эссе М. Айзенберга открывается 3-й том СС-7. Публикуется по этому изданию.

Предисловие к «Началам полян» (С. 11)

Впервые: *Стихи-1975*. Публ. по: СС. Т. IV.

Здесь (С. 12)

В мемуарном очерке «Обыденность чуда» (Встречи с Борисом Пастернаком. 1956–1958)» (впервые этот текст был опубликован в ж-ле «Дружба народов» (1993. № 12) под названием «Все — здесь...») Г. А. рассказывал о том, как, встретившись с ним случайно в Переделкине, рядом со своей дачей, Пастернак восторженно приветствовал его: « — Как я рад! Вот, наконец, Вы здесь! А ведь вообще думают, что смысл существующего, самое существенное, главное — где-то там, „в других мирах“! Нет, все — здесь, сейчас, вот — в это самое время! — вечное, непреходяще-сущностное — здесь! И прекрасны мы — здесь, и тайна, и чудо, и наша нескончаемость, все — здесь! Ведь Вы понимаете, да?

Этот *вьюжный* монолог, столь жалко переданный мною, долго держался во мне как некий весомо-живущий мир, стал неким — во мне — *содержанием*. Позже я написал программное для меня стихотворение „Здесь“, которым полностью обязан Пастернаку» (*Разговор*. С. 109).

Первая «официальная» книга Айги, вышедшая на родине тиражом 7500 экз., имела то же название — «Здесь» (М., 1991). Через 9 лет, когда учредят премию им. Б. Л. Пастернака, Г. А. станет первым лауреатом (2000).

В рост (С. 14)

Впервые: ОЗ, под названием «Тишина» и с иной датировкой: 1956–1957 (то же — в кн.: *Разговор*; но без изменения датировки).

Завязь (С. 15)

Впервые: *Стихи-1975*, под названием «Ранее с чувашского».

«В отличие от „Вступления к поэме“ в разделе „Начала полян“, являющегося свободной вариацией на тему чувашского текста автора, данное стихотворение представляет собой дословный перевод. Автор включал этот отрывок в сборники, изданные на разных европейских языках, чтобы охарактеризовать тот период своего творчества, когда совершался переход от одного языка к другому» (*примеч. автора*).

Вступление к поэме (С. 16)

Впервые: *Стихи-1975*, под названием «Второе с чувашского»

Из поэмы о Волькере (С. 17)

Иржи Волькер (Jiří Wolker; 1900–1924) — чешский поэт, переводчик, драматург, писатель. Умер от туберкулеза на 24-м году жизни. Его творчество оказало значительное влияние на чешскую литературу. На русском языке выходили три книги стихов Волькера.

«Меня необычайно сбивал с толку Маяковский, и он же очень мне помогал. Подражание ему меня задержало на много лет, потому что я неправильно понимал, как надо развиваться через него. <...> Много потом было разных перипетий, пока я году в 53-м не прочел чешского поэта Иржи Волькера, который меня скорректировал и помог понять самого себя и даже понять, как все воспринимать у Маяковского и у других поэтов для открывания самого себя. Я за это навсегда благодарен Волькеру» (Айги. Г. Н. Поэзия нужна как ветер / Записала Н. Ворошильская; Рис. Н. Дронникова // Рус. мысль. 1994. 22 дек. С. 18–19; 1995. 4 янв.).

Ночь первого снега (С. 18)

Посвящено *Геннадью Алавердову*, другу поэта, художнику, автору портрета Айги (1973; см.: *Разговор*. С. 33). В середине 1970-х гг. Г. А. со своей женой М. Л. Барабаш (ныне автор-исполнитель и поэтесса Марина Русецкая) жил в квартире на Арбате, над магазином «Плакаты», которую снимал Г. Алавердов с женой художницей Т. Габрильянц.

«и ограда вдоль дачи поэта...» — речь идет о даче Б. Л. Пастернака в Переделкине.

Бодлер (С. 20)

В интервью, впервые напечатанном в одном югославском издании, Г. А. говорил: «Много и часто, в труднейшие периоды жизни, я мысленно обращался к Ницше, Бодлеру, в последние годы — к Циприану Камиллю Норвиду <...> Например, духовно-интеллектуальный, экзистенциально-мученический образ Бодлера, Бодлер-как-Образ был для меня важнее любых „традиций“ <...> Он, как и Блок, помогал мне в моем собственном самовоспитании как „поэта“. <...> Можно сказать, что я старался учиться у Бодлера верности Поэзии (в его и моем понимании), поведению поэта в жизни» (*Разговор*. С. 156). «Об огромном, решающем влиянии французской поэзии (и, в первую очередь,

Бодлера) на мое „литературное становление“ неоднократно писалось и во Франции» (ОЗ. С. 557–558). «Познакомившись с Ницше, я узнал о Бодлере. Именно стихи Бодлера произвели во мне полный переворот. И вот тогда я понял, что добрался до самого себя, до истины, которую искал» (СС. IV. Т. 4. С. 343).

Сон-огонь (С. 21)

Впервые: СС. IV. Т. 2. Публикуется по этому изданию.

М. М. Л. — Михаил Михайлович Лавров (1907—1980), доктор геолого-минералогических наук, профессор иркутского Политехнического института. Его дочь, зоолог-ихтиолог по профессии, написала, по настоянию Г. А., книгу об А. Е. Крученых, с которым ее познакомил Айги в Москве (Лаврова А. М. Классик Круча: Воспоминания. Херсон, 1997).

В Иркутск Г. А. приезжал три года подряд: впервые — в 1956-м, когда вместе с двумя прозаиками — своим другом Р. Ахмедовым и будущим автором романа «Бабий яр» А. Кузнецовым — решил устроиться на работу бетонщиком на строительстве Иркутской ГЭС; в мае 1957-го и в 1958-м, после исключения из Литературного института.

В марте 1958 г. Айги был отчислен из Литинститута «за написание враждебной книги стихов, подрывающей основы метода социалистического реализма». В эссе «Обыденность чуда» он вспоминал: «Летом 1958 года, оказавшись без московской „прописки“, без каких-либо средств к существованию, я уезжал в Иркутск к семье профессора М. М. Лаврова (внука издателя славянофильской „Русской мысли“ В. М. Лаврова), уезжал — в неизвестность, на неведомый срок» (Разговор. С. 112). Леон Робель, известный французский славист, переводчик и автор монографии, посвященной Г. А., писал: «...Сначала Айги отправляется на поиски работы в Сибирь. В Иркутске у него друзья, он познакомился с ними, когда вместо обязательной для студентов Литинститута журналистской практики предпочел поехать бетонщиком на стройку с Анатолием Кузнецовым, будущим прозаиком и известным диссидентом» (Робель Леон. Айги. М., 2003. С. 28).

Пока (С. 22)

«Спи царица Спарты» — строка из стихотворения Б. Пастернака «Елене», входящего в одноименный цикл (книга 1917 года «Сестра моя жизнь»): «Спи, царица Спарты, / Рано еще, сыро еще».

Куст (С. 26)

Впервые: СС. IV. Т. 2. Публикуется по этому изданию.

В декабрьской ночи (С. 28)

Н. Ч. — посвящено *Нине Чичко*, иркутской знакомой Г. Айги, с которой он познакомился в 1956 г. (в это время Н. Чичко была студенткой Иркутского университета, впоследствии стала биологом). Она стала адресатом еще нескольких его стихотворений, написанных в разные годы.

Прощальное (С. 29)

Впервые: *Теперь*.

Васьлей (Василий Егорович) *Митта* (1908–1957) — известный чувашский поэт, переводчик, критик; 17 лет отсидел в сталинских лагерях.

«В Митте удивительным образом соединялись лучшие качества чувашского народа: трудолюбие, скромность, оптимизм <...>, неиссякаемая целеустремленность. Все эти качества в творческом проявлении он обогащал своей поистине сократической мудростью и шевченковской терпеливой ответственностью перед народом даже в самые тяжелые (а для него лично — даже трагические) годы известных десятилетий нашего прошлого» (Г. Айги [Слово о Митта Васьлее] // Советская Чувашия. 5 марта. 1988 г.).

Отъезд (С. 30)

См.: Седакова О.. Айги: отъезд // Айги-книга. С. 163–171.

Сад в декабре (С. 31)

Летом 1940 года *Николай Андреевич Лисин* (р. 1904), отец поэта, сельский учитель русского языка и литературы, опасаясь повторных репрессий (первый срок он получил в 1933-м, будучи обвинен в саботаже и пособничестве классовому врагу), переселился вместе с семьей в Карело-Финскую ССР, где они прожили около года, а 22 июня 1941-го вернулись в родную чувашскую деревню. В 1942-м отца призывают на фронт. 29 сентября 1943 года младший сержант Н. А. Лисин погибает в бою.

Тишина (С. 35)

«Шум-Мир начинает казаться иногда Лже-Миром, — кто „очистит“ его до тишины? — может быть, уже только искусство. Приходится не только уметь „общаться с тишиной“. В поэзии, по-видимому, необходимо уже уметь *творить тишину*. <...> *Тишина* входила в мои стихи в виде больших смысловых пауз с временным протяжением — наравне с тем или иным словесно-звучащим „периодом времени“. Теперь мне все более

хочется, чтобы одно цельное стихотворение каким-то образом представляло собой — „саму“ тишину...» (*Разговор*. С. 158–159).

Смерть (С. 36)

К образу матери, *Феодосии Егоровны Лисиной* (1905–1960), Г. А. возвращался в стихах неоднократно: «К одной из годовщин потери», «Снова ивы», «Мама в малиннике» и др. В «Предисловии к английскому изданию книги „Тетрадь Вероники“» он писал: «Моя мать, умершая рано, до сих пор видится мне как некое *святое свечение*, видится в жизни, которая, страшною мощью огромного Антиподного Народоподобия, была превращена чуть ли не в „естественный“ ад. Для меня и „народ“ — это просто моя мать и ее страдания» (*Разговор*. С. 142).

Дом друзей (С. 37)

Посвящено друзьям поэта филологу *Константину Олеговичу Эрастову* (1939–1996) и его первой жене художнице, скульптору *Татьяне Даниловне Эрастовой* (в девичестве Танхилевич; р. 1938). Московский дом Эрастовых был широко известен в нонконформистских и диссидентских кругах. Художник Игорь Макаревич, друг Эрастовых и Г. Айги, вспоминал: «Дом Эрастовых был для меня чрезвычайно важным местом в Москве с середины 60-х годов до момента их отъезда. Семья (у них было 7 детей) проживала в большой квартире, занимавшей весь 2-й этаж старенького дома в самом центре, в Большом Гнездниковском переулке. Двери их дома были открыты для всех, кого, несколько позже, стали называть инакомыслящими» (Из каталога выставки «Дом Эрастовых». ХЛ Галерея, 2010. Тогда, 10 лет назад, на «Винзаводе» были выставлены фотографии И. Макаревича. Одни из них были отпечатаны с негативов, отснятых автором в кругу друзей, они воссоздавали атмосферу 1960–1970-х годов; другие — с негативов, найденных автором в покинутой московской квартире, после отъезда семьи в эмиграцию). В 1978 г. Эрастовы вместе с детьми уехали из страны. Т. Д. Эрастова в настоящее время — инокиня Тайфа, живет в Джорданвилле (Свято-Троицкий монастырь. США).

Снег (С. 38)

На вопрос интервьюера «Какое твое первое стихотворение на русском языке было написано созданным тобой поэтическим языком?» Г. Айги отвечал: «„Снег“. Я его очень долго писал. Есть вариант и на чувашском, на который я потом перевел. В чувашском переводе гораздо больше слов. Я пишу на собственном языке, у меня нет языковых русизмов, колыбель-

ных, уменьшительно-ласкательных слов» (Врубель-Голубкина И. Разговоры в зеркале. М., 2014. С. 177).

Счастье (С. 39)

«Биркенау мое» — Аушвиц-Биркенау (Освенцим-Бжезинка), самый большой гитлеровский концентрационный лагерь на юге Польши, в 70 километрах от Кракова.

«„Я“ — не годится, „оой“ мое!» — «„Оой!“ — просто усиленный, удвоенный крик, предельное (сверхпредельное) обозначение невыразимого „я“ („я“ недостаточно, надо обозначать иначе, выразить „невыразимо“): другое обозначение „я“» (примеч. автора).

Отмеченная зима (С. 40)

Белым и светлым вторым страна отдыхала — «Страна отдыхала (в качестве) белого и светлого второго (первое качество всего этого — Бог» (примеч. автора).

Автор пояснял значение заглавия: «Отмеченная зима — отмеченная Богом». В «Обыденности чуда» он писал об этом несколько иначе: «Одно из моих первых русскоязычных стихотворений называлось „Отмеченная зима“. В этом названии — скрытая „цитата“ из Пастернака, — я знал, что он, среди близких, отзывался обо мне словами: „Он – отмеченный“» (Разговор. С. 114).

Совсем недавно вышла уникальная книга: «Отмеченная зима. 1982. История издания книги (Альбом-каталог к 85-летию Геннадия Айги) / Сост. О. Улангин. Чебоксары, 2019». В издание включены материалы одноименного передвижного выставочного проекта, показанного в прошлом году в Чувашском национальном музее (Чебоксары) и Московском Доме русского зарубежья им. А. Солженицына: редкие фотографии, репродукции живописных и графических работ, документы, письма, стихи Г. А. и мн. др.

Прощальное (С. 41)

...словно ты видела / еще до зрачков — / там, в глубине — / в горячем и красном — «видела еще до того, как начинают видеть зрачки (зрение, чтобы видеть, идет изнутри до зрачков) — зрение еще и не дошло до зрачков, а уже видишь») (примеч. автора).

Детство (С. 42)

...и там, как барабанные палочки / не знают конца / алфавиты диких детей — «алфавит ограничен, а здесь алфавиты не знают конца, подобно

бесконечной игре барабанных палочек (барабанной дроби); сами палочки тоже как бы не имеют конца (мелькая, будучи в действии, не зная остановки)» (*примеч. автора*).

«Может быть, к детству-как-явлению в современной поэзии надо бы относиться не только „эмоционально-растроганно“, но и принципиально-программно. Дело не только в том, что мы нуждаемся в вспоминающейся нам „свежести впечатлений“. В детстве мы больше доверяли миру, — он, со всей открытостью, поистине был для нас миром-Универсумом. <...>

Есть у меня и своя „личная“ причина мысленно-и-стихотворно возвращаться к детству. Даже человеческий мир, увиденный *тогда*, связанный с теми далекими восприятиями, был благороднее того, с которым пришлось мне столкнуться потом. <...>

Это был мир подлинно-терпеливых людей, — людей „сельских и полевых“, главной *красотой* их был — труд, минимально-необходимый на сегодня, на завтра... — я жил в мире, где <...> *воображение людское* казалось направленным по подлинному своему назначению, — было творщим, „как у бога“, а не алчно-разрушительным» (*Разговор*. С. 160–161).

Женщина справа (С. 44)

...там — «Р», это покое «Р», / этот круг удивительных «Р» — „р“ — весьма абстрактный образ (весьма субъективный): в нем есть нечто от представления о “звучаще-полой” телесности с „примесью“ ее картовости, также (для себя) зашифрована ее фамилия (содержащая „р“ в начале и конце)» (*примеч. автора*).

В 1967 г. в Европе выходят первые книги Айги, переведенные Ольгой Машковой на чешский («Здесь») и Мирославом Валеком на словацкий («Женщина справа») языки.

Окна весной — на Трубной площади (С. 46)

«Трубная — площадь в Москве. В. Яковлев — мой любимейший (из современников) художник (1934 года рождения)» (*примеч. автора*).

Владимир Игоревич Яковлев — уникальный живописец и график, «русский Гойя»; практически слепой, особенно к концу жизни (с пятью процентами зрения; чтобы рисовать, ему приходилось приближать бумагу почти вплотную к глазам). Один из наиболее известных и своеобразных представителей московского неофициального искусства 1950–1970-х гг. Умер в 1998-м в психиатрической лечебнице, где провел не один год жизни. В. Яковлеву посвящен ряд стихотворений Г. А.

«„Царапина по небу“, название одного из произведений Хлебникова, придает магическое значение звуку, оставляя за небом метафизический

смысл. Предположим, что есть иные царапины и порезы по этому небу. Представим, что появлением их мы обязаны духу, не нуждающемуся в словах и мыслях.

Мне хочется сравнить стиль Яковлева с подобными „царапинами по небу“. Растертая жидкость и пыль, напоминающие гуаши Вольса, словно дожидаются света, который должен озарить порезы на картинах. В работах Яковлева много того, что я назвал бы стигматическими моментами. Образы зла и страдания, созданные им, не фольклорны и не аллегоричны. Его рисунок и цветовой акцент прямые и подлинны, как следы страдания, которыми при свете природы отмечаются жертвы. Они больше говорят о времени, чем конструктивная мода в быту и искусстве» (*Разговор*. С. 126).

Утро в детстве (С. 49)

а, колебало, а / <...> и выявлялась: полевая! / проста, русалочка! — «было задумано, как три ярких, „совершенно идентичных“ света (как три явления или три действия), — как троекратное „действие Бога“. Грамматически эти три „слова“ предполагались также идентичными (как три Действия-Явления). И, как „частная реализация“ вычлененной из этого силы, возникал образ „русалки“» (*примеч. автора*).

«Я убежден (есть такое мое небольшое „открытие“), что дети, начиная с первых недель жизни и приблизительно до трех лет, *переживают*, претерпевают, переносят в себе и на себе моменты, дни и недели их *сходства* и *сходств* с „сонмом“ живых и „ушедших“ родственников. Младенцы (вернее, какие-то „силы“ в них) как бы мучительно ищут и — в конце концов — находят именно свой „постоянный“, — на будущее, — облик» (*Разговор*. С. 143).

Поле — до ограды лесной (С. 50)

Царсково-садо — неологизм автора.

Поле — сквозной образ поэзии Айги, чрезвычайно важный для него.

«В чувашских языческих молитвах встречается поле как прообраз душевной свободы. (В детстве на меня произвел сильное впечатление один случай. Однажды ночью, проснувшись за полночь, я увидел мать, которая, оклеветанная за несколько дней до этого в одном событии, произносила слова заклинания, в которых она клялась чистым полем. В последние годы своей жизни мать моя была православно верующей).

Надо сказать о том, что образ поля, на протяжении книги, развивается и претерпевает (в моем восприятии) ряд серьезных изменений. Ка-

тастрофическое изменение происходит позднее, в двух стихотворениях: во „Сне: дорога в поле“ (когда „выясняется“ опасность, что не будет поля уже и в „идее“) и в „Утешении: поле“ („заклинание к идее поля“). При этом, это связано не с абстрактными, а „насущими“, реальными переживаниями (с чувством, что многое, очень главное, обречено на гибель уже „в самой идее“; см., напр., в связи с этим, тему поля в начале „Утра: метро: утешений“)» (*Стихи-1975*. С. 197).

Без названия («посредником было окно слуховое...») (С. 52)

В одном из интервью автор признавался: «В заботе над „телом“ вещи на бумаге, я думаю, сказывается и мое „сельско-народное“ происхождение: например, все мои стихотворения обязательно озаглавлены (в случае отсутствия заглавий, я просто ставлю „Без названия“), словно я не могу видеть без „крыш“ любые, даже словесные „строения“. То же самое относится и к дате любого стихотворения: я вижу ее „конструктивно“ входящей в единое „здание“ произведения» (*Разговор*. С. 155).

Заморская птица (С. 53)

Андрей Михайлович Волконский (1933–2008) — композитор, клавесинист, пианист, основатель ансамбля «Мадригал» — первого российского коллектива, исполнявшего музыку Средневековья, Возрождения и русскую церковную музыку. Сын князя М. П. Волконского.

О том, какое значение для него самого и его близких друзей художников И. Вулоха, В. Яковлева, А. Зверева, И. Ворошилова имел европейски образованный, прекрасно разбирающийся не только в музыке, но и в живописи и литературе Волконский Г. А. рассказывал неоднократно. Вот фрагмент одной из бесед с поэтом: «С Андреем я познакомился в 1956 году. Мы втроём очень близко дружили: Андрей, я и его будущая жена Галина Арбузова-Паустовская. <...> Моим первым впечатлением о Волконском было восхищение им как человеком необычайно высокой культуры. В связи с ним слово „утонченный“ кажется самым верным определением <...> Его скальпельный ум сочетался с очень глубоким чувством человечности и высокой одухотворённостью. <...> Он снабжал нас материалами по Клее, Мондриану, доставал великолепные альбомы, словари. <...> С Волконского же началось практическое вхождение в нашу культуру неизвестных пластов старинной и современной музыки — Джезуальдо, Шёнберга, Веберна. <...> Во всех устремлениях московских поэтов и художников конца 50-х — начала 60-х годов главной личностью, объединявшей всех и расширявшей горизонты, был именно Андрей. В этом смысле — для меня нет

сомнений — он сыграл историческую роль в нашей культуре» (СС. IV. Т. 4. С. 359–362).

Предзимний реквием (С. 54)

Составляя книгу «Разговор на расстоянии», Г. А. объединил поэтические тексты, примыкающие к эссе «Обыденность чуда» и посвященные Б. Л. Пастернаку, в цикл «Десять стихотворений» (*Разговор*. С. 116–124). В беседе с Галиной Гордеевой Айги вспоминал: «Пастернак был для меня святой человек. Его же строкой говоря: „о, куда мне бежать от шагов моего божества“ — так я к нему относился. И не я один только — Назым Хикмет говорил о нем: это же величайший современный поэт Европы, это классик мировой поэзии! И я это тогда уже понимал.

Он весь был... светящийся, в семьдесят лет двигался как юноша, был божественно красив. Он мне до сих пор снится... Я такого обожания больше в жизни не испытывал никогда» (*Разговор*. С. 269).

Казимир Малевич (С. 55)

«Эль — Эль Лисицкий» (*примеч. автора*).

«Белого гроба эскиз — перед смертью Малевич сделал эскиз своего гроба» (*примеч. автора*).

Лазарь Маркович Лисицкий (Эль Лисицкий; 1890–1941) — живописец, архитектор, полиграфист, автор фотомонтажей и фотограмм; один из крупнейших представителей русского авангарда.

«В завещании Малевич писал, что гроб должен быть крестообразной формы и лежать он должен в нем с распростертыми в стороны руками; внутри гроб должен быть выкрашен светло-зеленой краской, а одет он должен быть в белую рубашку, черные брюки и алые туфли. Хотя комиссия наша решила выполнить завещанное желание Малевича по возможности полностью, на все сто процентов, все же мы решили отказаться от крестообразной формы гроба, как не отвечающей духу времени, но также отказались и от стандартной его формы, а рисунок гроба сделали сами; он был в виде поваленной колонны-архитектоны, совершенно прямой; <...> Каждая сторона гроба имела шесть уступов: три уступа на крышке и три — на гробе» (Иван Ключ. Похороны супрематиста // Ключ И. Мой путь в искусстве (Воспоминания, статьи, дневники). М., 1999).

Казимиру Севериновичу Малевичу (1879–1935), живописцу, графику, дизайнеру, мастеру прикладного искусства, одного из крупнейших художников XX века, Г. Айги посвятил также тексты «Сад ноябрьский — Малевичу» (1961; (С. 102)), «Образ — в праздник (В день 100-летия со дня рождения К. С. Малевича)» (1978), «В честь Мастера — несколько абзацев (Предисловие к книге стихов Казимира Малевича „По лестнице позна-

ния“») (1991) и «Речь на закрытии выставки Малевича в Москве» (1989; СС. IV. Т. 4. С. 135—139).

«С теоретическими трудами Малевича, как и с его искусством, я вплотную познакомился в 1961 году, когда работал научным сотрудником музея Маяковского в Москве, где имеются богатейшие архивы по русской культуре начала века. К Малевичу меня вели Хлебников и некоторые тогдашние мои знания из истории нашего авангарда. Впрочем, кое-что я знал о Малевиче и из европейских источников по новому искусству.

Весь тот год я провел с теоретическими трудами „великого Казимира“. Его „Бог не кинут“ произвел на меня ошеломляющее впечатление и совершил полный переворот в моем творчестве. Это я понял так: дело не в передаче чувств, не в отображении мира, а в абстрагированной абсолютизации явлений мира через человека-поэта; абсолютизации в виде движущихся масс энергии. Слова призваны создавать эти незримо-чувствующиеся заряды по законам, так сказать, Вселенским. Имея в виду их неземную крупность, не по-человечески организующиеся масштабы, а не эталонные меры-строфы старой поэзии” <...>

Добавлю к сказанному о Малевиче. Именно через него единицы измерения поэтического материала для меня не строки и не строфы, а отдельные равномерные монолиты того или иного количества слов, разнокалиберные блоки ритмических конструкций» (В. Амурский «В поисках самоценного слова» // Амурский В. Запечатленные голоса. М., 1998. С. 125–126).

К предзимнему реквиему (С. 54)

Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1995) — редактор, переводчица, мемуаристка; близкий друг Б. Л. Пастернака в 1946–1960 гг.; автор книг «Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени» (Париж, 1978; М., 1992), «Земли раскрытое окно. Стихи разных лет (М., 1999). Во время учебы в Литинституте Г. А. подружился с ее дочерью И. И. Емельяновой (р. 1938), литературоведом, мемуаристкой (см.: Емельянова И. Легенды Потаповского переулка. Б. Пастернак, А. Эфрон, В. Шаламов: Воспоминания и письма. М., 1997; Емельянова И. Пастернак и Ивинская. М., 2006; Емельянова И., Ивинская О. Годы с Пастернаком и без него. М., 2007; см. также воспоминания И. Емельяновой об Айги: «Гена Лисин — Геннадий Айги» // Дети Ра. 2006. № 11(25); <http://reading-hall.ru/publication.php?id=6812>).

Мадригал поэту (С. 55)

В ОЗ было напечатано под названием «Мадригал».

Станислав Яковлевич Красовицкий (р. 1935) — поэт, переводчик. В начале 1960-х гг. отказался от занятия поэзией и уничтожил все свои тексты. В 1990-е гг. вернулся к поэтическому творчеству. Автор книг: *Избранное: [Новые] стихи и [переводы]*. Тверь, 2002; *Стихи*. М., 2006; *О. Стефан Красовицкий. Катастрофа в Раю* (статьи, доклады, интервью). М., 2011. До лета 2019 г. — священнослужитель неканонической РПЦЗ(В) (Русская православная церковь за границей под омофором митрополита Виталия (Устинова)), затем присоединился к Церкви Истинно-Православных христиан Эллады (Греции).

«...Году в 61-м я познакомился со Стасем Красовицким. Наша дружба была недолгой, но очень важной в моей жизни. Красовицкий был такой очень трагический, трагически обнаженный поэт, с какой-то резкостью звука изумительной, красотой звука поэзии. Его стихи для нас всех много значили, я его очень любил. Мы вот недавно на Би-Би-Си с Ефимом Славинским, другом Бродского и моим, вспоминали, что стихи в те годы для нас значили нечто совсем иное, нежели сейчас. Стихи Красовицкого были для нас как клятва, как молитва, как единственное, чем дух крепится. Мы все как бы разговаривали стихами» («Поэт — это несостоявшийся святой...» / Беседа В. Куллэ с Г. Айги // Лит. обозрение. 1998. № 5–6. С. 16–17).

«Красовицкий сразу произвел на меня сильнейшее впечатление, его я глубоко полюбил, я его сразу воспринял как гениальную личность, как поэта. Поэт для меня — явление врожденное, это особый склад человека, чувство стихии, со своим исповедальным голосом, который может быть только у поэта. Таких — единицы. Красовицкого я воспринял как истинного поэта, со своей исповедальностью, как мы воспринимаем Лермонтова, Есенина. Это — подлинное. <...> Красовицкий поразил меня» (Врубель-Голубкина И. *Разговоры в зеркале*. М., 2014. С. 181–182).

Коломенская церковь (С. 68)

Игорь Александрович Вулох (1938–2012) — художник; он считался едва ли не самым выдающимся нонконформистом в кругу московского андеграунда 1960–1980-х гг., классиком абстракции. Вулох был одним из самых близких друзей Г. Айги. Они познакомились в 1961 г. в Белых Столбах у С. Красовицкого, работавшего в Госфильмофонде. Работами Вулоха проиллюстрированы многие книги Айги, который посвятил художнику отдельную книгу «Друг этих лет. К 60-летию Игоря Вулоха» (Чебоксары, 1998).

«...Игорь Вулох, проявившийся в конечном счете — по моему мнению — как крупнейший наш живописец» (*Разговор*. С. 271). «Это человек

исключительного интеллекта. Его отточенный ум можно сравнить с хирургическим скальпелем. Он человек необычной, я бы сказал, кафкианской честности» (Айги Г. // Мир этих глаз-2 (Айги и его художественное окружение. Альбом-каталог). Чебоксары, 1997. С. 99).

Второй мадригал (С. 71)

«Стихотворение написано после знакомства с материалами суда над поэтом Анной Барковой в 1964 году на Украине» (примеч. автора).

Анна Александровна Баркова (1901–1976) — поэт, прозаик, драматург, публицист. Получив один за другим три срока, более 20 лет провела в лагерях ГУЛАГа.

Константин Леонтьев: утро в Оптиной пустыни (С. 74)

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — врач, дипломат, религиозный мыслитель, писатель, публицист, литературный критик, социолог. В 1874 г. впервые приехал в Оптину пустынь, где познакомился со старцами о. Амвросием и о. Климентом (Зедергольмом), о которых оставил впоследствии воспоминания. В 1887 г. вновь посетил Оптину. Здесь он принял тайный постриг с именем Климента, после чего, по совету и благословию старца Амвросия, покинул пустынь, переселился в Троице-Сергиеву лавру, где нашел упокоение и был погребен в Гефсиманском скиту.

«Я для себя уяснил, что в русском авангарде не принимаю два момента: это социальный утопизм и религиозный эклектизм. По моим убеждениям, я, чтобы не говорить громко, — кьеркегоровец и паскалевек. Для меня также очень важна русская религиозная философия, в которой наибольшее значение для меня имеет самый любимый мой русский мыслитель — Константин Леонтьев...» (*Разговор*. С. 282).

Друг этих лет (С. 76)

И. В. — посвящается Игорю Вулоху (см. коммент. к стих. «Коломенская церковь». (С. ...)).

Поюны — неологизм Велимира Хлебникова из его стихотворения «Там, где жили свиристели» (1908).

Больница в Сокольниках (С. 77)

Посвящается другу поэта художнику В. И. Яковлеву (см. коммент. к стих. «Окна весной — на Трубной площади». (С. 262)).

Ночи Хрустальные (Ночь разбитых витрин) — печально известный еврейский погром, осуществленный 9–10 ноября 1938 г. на территории нацистской Германии, в части Австрии и Судетской области военизированными отрядами СА (штурмовиками-«коричневорубашечниками»), а также гражданскими лицами. «Хрустальная ночь» стала отправной точкой притеснения евреев нацистской Германией.

Заря: в перерывах сна (С. 78)

Néant de voix (фр.) — небытие голоса.

«Фраза „néant de voix“ связана с рассказом Кафки „Певвица Жозефина, или Мышиный народ“ (см. в оригинале: „Dieses Nichts an Stimme“) (примеч. автора).

НХ среди картин (К выставке М. Ларионова и Н. Гончаровой в Музее Маяковского) (С. 79)

«Н. Х. — выдающийся русский искусствовед Н. И. Харджиев» (примеч. автора).

Николай Иванович Харджиев (1903–1996) — литературовед, искусствовед, текстолог, архивист, собиратель. Один из наиболее авторитетных знатоков русского авангарда. В период работы Айги в Музее В. Маяковского в Москве, (поэт заведовал изосектором) он вместе с Харджиевым занимался организацией выставок художников «первого» авангарда (Л. Лисицкого, М. Матюшина и П. Филонова, В. Татлина и К. Малевича, Е. Гуро и Б. Эндера, М. Ларионова и Н. Гончаровой).

...воздух а п р е л я — как сказано — с о т о г о — аллюзия на строки из поэмы «Облако в штанах»: «...я с сердцем ни разу до мая не дожили, / а в прожитой жизни / лишь сотый апрель есть» (Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Худож. лит., 1955–1961. Т. 1. С. 193).

К посвящению детства: чистка орехов (С. 82)

В качестве эпиграфа взяты строки фрагмента № 69 четвертой книги Сафо, в переводе Викентия Вересаева:

Розоволокотные,
Чистые, — вы,
Дочери Зевсовы.
О Хариты, ко мне...

Знамена Гази-Магомеда (С. 85)

«*Гази-Магомед* (1795–1832) — первый имам Дагестана и Чечни» (примеч. автора).

Гази-Мухаммад (Гази-Магомед, Кази-Мулла, Газимухаммад) бин Мухаммад

Бин Исмаил ал-Гимрави (Гимринский) ад-Дагистани (1795–1832) — мусульманский учёный и богослов, предводитель кавказских горцев в борьбе против Российской империи. Этнический аварец. В 1828/29 г. был провозглашён имамом Дагестана и Чечни. Объявил *газават* Российской империи. Был одним из самых отважных горских предводителей, действовавших против России в конце 1820-х — начале 1830-х гг. 17 окт. 1832 г. был убит во время штурма русскими войсками аула Гимры.

Дом поэта в Вологде (Константин Батюшков) (С. 86)

Эпиграф — строка из стих. П. А. Вяземского «Зонненштейн» (1853).

Поэт *Константин Николаевич Батюшков* (1787–1855) родился в Вологде, где и закончил свои дни. О душевной болезни Батюшкова писалось неоднократно. Из его письма 1815 г. В. А. Жуковскому: «С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с годами и чуть было не зачернило всю душу». Г. А. говорил об особой «батюшковской» тьме, накрывающей иных поэтов (см.: *Разговор*. С. 184).

Голод — 1946 (С. 87)

«*А было это под Пасху...*» — строка из стих. А. Е. Крученых «Голод» (1920), из книги «Голодняк» (М., 1922). «*А было это под Пасху... / Кровь убитого к небу возносила / И звала людей к покаянию, / А душа удушенной под забором царства небесного / Облакачивалась...*». Не менее страшному, чем голод в Поволжье 1921–1922 гг. (тогда страна потеряла около 5 млн чел.), послевоенному периоду, 1946–1947 гг., унесшему, по разным оценкам, от сотен тысяч до полутора млн человек), Г. А. посвятил, помимо этого стихотворения, текст под названием «Голод — 1947» (см. *Разговор*. С. 47).

Гимры (С. 88)

«*Гимры* — дагестанский аул, родина Гази-Магомеда и Шамяля» (примеч. автора).

При штурме аула русскими войсками в 1832 г. (см. коммент. к стих. «Знамена Гази-Магомеда». (С. 270)) предводитель горцев заперся в баш-

не с пятнадцатью самыми преданными ему воинами. Во время этого боя погибли почти все, включая самого Гази-Мухаммада. Одним из двоих выживших был Шамиль — будущий имам Дагестана.

К XXXI песне «Рая» (С. 90)

Имеется в виду «Божественная Комедия»: Песнь тридцать первая (Эмпирей. — Райская роза) «Рая» — последней части бессмертного творения Данте Алигьери.

Сон: очередь за керосином (С. 92)

«Мне кажется, что тема *сна*, постепенно и незаметно, возникла из такой моей „литературной ситуации“. Сон-явление, да и сама сон-атмосфера становились для меня *сном-образом* некоего мира, *сном-миром*, где я мог добираться до „островов“, до обрывков „русла“, составляющего жизневыдерживание одной личности, — было чувство, что я в боли и с болью — в каком-то огне-средоточии — притрагивался к самим видоизменениям пребывания в мире одного существования-судьбы.

В этой ситуации, самым *сном* как образом я пользовался много. Отрицание „действия“, естественно, оборачивалось и *молчанием*, символом выносимого жизневыдерживания становилась *тишина*. Короче, был один сон-мир, включавший в себя и сон, и явь. В таком случае, по-видимому, трудно провести границы между явью и сном» (*Разговор*. С. 154). См. также эссе Г. А. «Сон-и-Поэзия» (*Разговор*. С. 49–60).

ЗИМНИЕ КУТЕЖИ

[эпиграф] (С. 97)

«О. Б. — О. Барская» (*примеч. автора*).

От автора (С. 98)

Впервые — в ОЗ (более полный вариант). Этот текст был написан в качестве предисловия к французскому изданию книги: «„Festivités d’hiver“. Trad. par L. Robel. Col. Petite Sirène. Ed. Français Réunis, 1978». Публ. по: *СС. IV. Т. 2. С. 131–133.*

Сад ноябрьский — Малевичу (С. 102)

См. коммент. к стих. «Казимир Малевич» (С. 265).

Лес старинный (С. 103)

«Церковнославянское а употреблялось также для цифрового обозначения: ѡ обозначало единицу, а @ — десять тысяч (по-старинному — тьма)» (примеч. автора).

Стихи к танцу (С. 104)

...о милый / ги / ...ай друг — инверсия: ай — ги.

К кутежу живописцев (Вместе с А. З.) (С. 105)

«А.З. — художник Анатолий Зверев» (примеч. автора).

Анатолий Тимофеевич Зверев (1931–1986) — художник-авангардист, график; один из ярких представителей «второго русского авангарда» и неофициального искусства конца 1950-х — начала 1960-х гг.

«...Анатолий Зверев. Он всегда юродствовал, но это была маска, которую многие принимали за подлинное лицо. Это была трагическая личность, и он в полную меру осознавал и свой трагизм, и трагизм нашего поколения» (Из беседы С. Бычкова с Г. Айги // СС. IV. Т. 4. С. 347).

Без названия («река — уже иная — окружает...») (С. 111)

Текст посвящен *Иву Боннфуа* (Yves Bonnefoy; 1923—2016) — французскому поэту, прозаику, эссеисту, переводчику и историку искусства; автору книг о Х. Миро, А. Рембо, А. Джакометти; одному из создателей журнала «Эфемер». Г. Айги переписывался с ним, переводил его стихотворения для антологии «Франци поэчём» (Поэты Франции XV–XX вв.; Чебоксары, 1968).

Поэту розы поэта (К 40-летию К. Богатырева) (С. 112)

Эпиграф — стихотворные строки Р. М. Рильке (1875–1926), выбитые на его надгробии:

Rose, oh reiner Widerspruch, Lust,
Niemandes Schlaf zu sein unter soviel
Lidern.

Роза, о противоречивость чувств, каприз:
быть ничьим под тяжестью стольких
век

(перевод Вяч. Куприянова)

Константин Петрович Богатырев (1925–1976) — филолог, поэт и переводчик; правозащитник. Переводил с немецкого языка стихи и прозу Р. М. Рильке, Э. Кестнера, Т. Манна, А. фон Шамиссо, Б. Брехта, Г. Тракля, П. Целана и др. Близкий друг Айги. Был репрессирован (1951–1956). Весной 1976 г. зверски избит (вероятно, наемными убийцами КГБ) в подъезде своего дома в Москве; скончался в больнице от полученных ран.

Г. А. вместе с Е. А. Богатыревой-Суриц участвовал в подготовке сборника, посвященного памяти К. П. Богатырева: «Поэт-переводчик Константин Богатырев. Друг немецкой литературы» (редактор-составитель сб. В. Казак с участием Л. Копелева и Е. Эткинда; Мюнхен, 1982). Помимо стих. «Поэту розы поэта», Айги посвятил своему другу «Снова: возвращение страха» и ряд текстов, написанных уже после гибели Богатырева.

К портрету работы Владимира Яковлева (С. 113)

«Речь идет о портрете автора, выполненном В. Яковлевым в 1959 году» (примеч. автора).

Художник создал ряд живописных и графических портретов поэта и более сотни иллюстраций к его стихам. Известны и тексты Айги к рисункам Яковлева. См. также коммент. к стих. «Окна на Трубной — весной» (С. 262).

Д. Д. и М. Н. Бурлюкам: на прощанье (С. 115)

«Стихотворение было написано по просьбе Д. Д. Бурлюка во время прощальной встречи в гостинице „Националь“ (при этом Д. Д. назначил автору „свидание ровно через 10 лет на Луне“, на восточном берегу Кратера Кеплера“: „смотрите, не опоздайте“» (примеч. автора).

Давид Давидович Бурлюк (1882–1967) — живописец, график, поэт, издатель, теоретик и пропагандист нового искусства. Один из зачинателей живописного авангарда; «отец русского футуризма». *Мария Никифорова Бурлюк* (в девичестве Еленевская; 1894–1967) — пианистка, издательница, мемуаристка; жена Д. Д. Бурлюка. Основала в Нью-Йорке «Издательство М. Н. Бурлюк», в котором выпускала книги мужа, собственные мемуары и журнал *Color & Rhyme* («Цвет и рифма»; 1930–1967 гг.).

Г. А. стал первым лауреатом Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка, учрежденной поэтом, практиком и теоретиком авангарда С. Е. Бирюковым в 1990 г. одновременно с открытием Академии Зауми.

Сон: рукописи (С. 116)

«Среди близких мне художников были старейшины — Владимир Вайсберг и Михаил Шварцман, дружба и беседа с которыми обогащала, развивала и формировала дух» (примеч. автора).

...une immense douleur à chaque page — «...безмерное страдание на каждой странице» (фр.) (Из письма графа де Лотреамона (наст. имя Изидор-Люсьен Дюкасс; 1846–1870), французского поэта и прозаика, автора знаменитых «Песен Мальдорора»).

Михаил Матвеевич Шварцман (1926–1997) — живописец, график, художник-монументалист, мистик и философ, педагог; создатель художественно-философской системы «Иератизм».

На тему Божидара (С. 117)

Божидар (псевдоним Богдана Гордеева) — поэт, примыкавший к футуризму. Покончил с собой в 1914 году в возрасте 20 лет (в лесу под Харьковом). Его теоретическую книгу о ритмической и метрической природе стиха „Распевочное единство“ высоко ценил В. Хлебников» (примеч. автора).

Богдан Петрович Гордеев (1894–1914) был также автором книги стихотворений «Бубен» (1914), вышедшей вторым изданием спустя два года после его смерти. В этом же 1916 г. Хлебников поставил подпись Божидара под воззванием «Труба марсиан». В статье «Ляля на тигре», того же года, Велимир писал: «От Божидара, который продолжает быть спутником двух или трех людей к Земному Шару, осталась редко прекрасная речь о „едином познавательном снаряде“ и „сборе внечувственных добыч“. Он разбился, летя, о стены прозрачной судьбы. Вот птица падает, и кровь капает из клюва. <...> Мы постигаем Божидара через отраженное колебание в сердцах, знавших его...».

К свадьбе друга (С. 119)

Имеется в виду свадьба *Игоря Васильевича Ворошилова* (1939–1989), друга Айги, андеграундного художника, писавшего также стихи и прозу, автора оставшегося незавершенным трактата «О живописи». Посмертно издана его книга «Стихи и рисунки» (М., 2009). Г. А. писал о нем: «Ворошилов родился в колыбели из красок. Он гармонизировал их, доводя их звучание до той музыкальности, которую любил в творчестве мастеров европейского Возрождения (помню, как он был счастлив, когда открыл для себя Перселла). Игорь Ворошилов прошел сквозь современность, сохраняя эту особую гармонию своего творчества, сущность которой будет напоминать... любимого им Велимира Хлебникова...» (из архива семьи Айги).

КРЧ-80 (К 80-летию А. Е. Крученых) (С. 120)

«С Алексеем Елисеевичем Крученых мы дружили. Он ко мне в последние годы обращался на „ты“. Я очень ценил его пристрастие к чтению своих стихов и записывал в течение десяти лет его на магнитофон. <...> ...Мы много говорили, но дело в том, что ко времени начала нашей дружбы я был уже сложившимся поэтом. <...> Он на меня имел влияние, безусловно, не как поэт, а как блистательный критик, превосходный лингвист» (Разговор. С. 280—281).

«„Меня держат три кита! — гордо повторял Алексей Елисеевич в последние годы жизни, — и не дадут пропасть“. Он имел в виду Малевича, Хлебникова и Маяковского. <...> Замечательный литературный теоретик и лингвист, он, вместе с Хлебниковым, взбудоражил языковедение своего времени. <...> Столетие со дня рождения Алексея Крученых удалось отметить в 1986 году лишь в Херсоне, — благодаря большим усилиям литературоведа С. М. Сухопарова. В методической рекомендации, изданной по этому случаю, приведено в пересказе содержание моей телеграммы на адрес юбилейной комиссии: „Именно последние достижения в изучении творчества А. Крученых позволили поэту и переводчику Геннадии Айги поставить его имя в ряд выдающихся имен европейского искусства XX века — Хлебникова и Малевича, Маяковского и Аполлинера, Бретона и Пикассо“» (Разговор. С. 207, 208, 210).

Алексей Елисеевич Крученых (1886–1968) — поэт, публицист, критик, мемуарист, теоретик футуризма, создатель «сдвигологии» — оригинальной стиховедческой концепции; один из самых последовательных и радикальных экспериментаторов среди русских авангардистов. Входил в группу «Гилея». Вместе с И. Зданевичем, Н. Чернявским и И. Терентьевым создал группы «Синдикат футуристов» и «41°» (Тифлис, 1918–1919 гг.). Ввёл в поэзию заумь (сб. «Помада», 1913 г.).

Иная роза: для Анри Мишо (С. 121)

Ensuite elle fut prise dans l’Opaque. H. M. — «Потом ее скрыла Тьма» — последняя строчка стихотворения А. Мишо «На пути к смерти» (в переводе В. Козового; см.: Мишо Анри. Портрет А. СПб., 2004. С. 176) из сборника «Plume, précédé de Lointain intérieur» («Внутренние дали; Перо»), впервые опубликованного в 1938 г. в издательстве «Галлимар».

Анри Мишо (Henri Michaux; 1899–1984) — французский поэт, писатель, график и живописец. Бельгиец по происхождению. Его называют одним из столпов французской литературы и одной из самых загадочных фигур в мировой культуре XX столетия. Г. А. переводил стихи Мишо для

антологии французской поэзии «Франци поэчём» (см. коммент. к стих. «Без названия». (С. 172).

Пять матрешек (На рождение сына Андрея) (С. 122)

Посвящено *Андрею Айги* (р. 1966), сыну Г. Н. Айги и Н. М. Айги (Алёшиной), старшему брату композитора и музыканта Алексея Айги.

В горах Адалла-Шухгельмеэр (С. 124)

Эпиграф — первая строка из стих. М. Ю. Лермонтова «Утес» (1841), написанного за несколько недель до трагической гибели поэта.

Адалла-Шухгельмеэр — одна из самых высоких гор Дагестана (третья по высоте: достигает 4151 метров над уровнем моря). Местные жители называют ее Каббала.

«В 1961 году, последовав за Андреем Волконским, Айги впервые отправляется в высокогорные долины Кавказа, навещает облепившие горные склоны деревушки. Он очарован, семь раз сюда возвращается, проходит пешком все районы Дагестана» (Робель Леон. Айги. М., 2003. С. 60). Спутником Волконского и Г. А. в одном (или, м. б., двух) из путешествий по горным дагестанским аулам был режиссер-документалист Виктор Зак. В других дагестанских странствиях дважды сопровождала поэта его вторая жена Наталия Алексеевна Айги (Алешина), искусствовед, художник, литератор, автор книги «Богомаз» (М., 2013). Ей посвящены стих. Айги «Утешение: розы» и «Образ в устремлении».

Поэт (Б. Л.) (С. 125)

«Б. Л. — Бенедикт Лившиц (1886–1939), — один из участников русской футуристической группы „Гилея“. Выдающийся переводчик французской поэзии: сборник его переводов „Французские лирики XIX—XX веков“ (от Ламартина до Арагона, М., 1937) можно считать классическим. Погиб вследствие тюрем. Женщина, бывшая на очной ставке сБ. Лившицем, рассказывала: „Я не узнала его. Это была кровавая тряпка, которую — почти на весу — держали с двух сторон, потряхивая после вопросов следователя. И оттуда, вместо ответов, раздавались невнятные стоны“» (примеч. автора).

Votre Mignonne (фр.) — здесь: ваша милашка (милочка).

Командора Чугунного был он со-ратником: / 13-й год. — Бенедикт Константинович Лившиц (1886–1938), входивший вместе с Маяковским в «Гилею», публиковавшийся, наряду с ним, во многих футуристических изданиях (в основном 1912–1914 гг.: «Пощечина общественному вкусу»

(М., 1912), «Садок Судей. II» (СПб., 1913), «Дохлая луна» (1-е и 2-е изд.; М., 1913, 1914), «Рыкающий Парнас» (СПб., 1914) и др.), является также автором известных воспоминаний о нем. Впервые они были опубликованы в журнале «Стройка» (1931. № 23–24. Сент. С. 8–11). Через два года эти мемуарные фрагменты — «Маяковский в 1913 году» и «Грезер и горлан» — вошли в состав V и VI глав знаменитой книги Лившица «Полуто-раглазый стрелец» (Л., 1933). Напомним и о том, что в книге воспомина-ний В. Катаева «Алмазный мой венец» (1978) одно из «имен-масок», под которыми фигурирует Маяковский, — «Командор».

Третий кузнечик (К «Кузнечикам» В. Хлебникова и Э. Каммингса) (С. 126)

Сыну Андрею — см. коммент к стих. «Пять матрешек...» (С. 276).

К «Кузнечикам» В. Хлебникова и Э. Каммингса — имеются в виду зна-менитый «Кузнечик» (1908–1909) *Велимира* (Виктора Владимировича) Хлебникова (1885–1922) и «r-p-o-p-h-e-s-s-a-g-r» («Кузнечик») из сбор-ника «No Thanks» (1935) *Эдварда Этлина Каммингса* (E. E. Cummings; 1894–1962), американского поэта, писателя, художника и драматурга. О каммингсовском «Кузнечике» Г. Айги узнал из публикации анонимно-го перевода в «Литературной газете» (1964. 25 июня. С. 4). См.: Janecsek G. Tri Kuznechika: Khlebnikov, Kammings, Aigi. (Three Grasshoppers: Khlebnikov, Cummings, Aigi) // *Przegląd Rusycystyczny* (Katowice, Poland) XXII / 2000. Zeszyt 1 (89): 22–33.

Утрилло (С. 128)

Стихотворение, названное в честь французского живописца-пейзажиста Мориса Утрилло (Maurice Utrillo; 1883–1955), посвящено художнику Игорю Вулоху (см. коммент к стих. «Коломенская церковь». (С. 267)).

Запись — к циклу «Полей» (С. 129)

И. В. — посвящено И. Вулоху — см. коммент к стих. «Коломенская цер-ковь». (С. 267).

К празднику в детстве (Марку Шагалу: строки, набросанные к его несостоявшейся выставке; Москва, 1967) (С. 130)

«В январе 1967 года автор принимал участие в организации выставки М. Шагала в Государственном музее В. Маяковского (в экспозицию были

включены также несколько произведений В. Татлина, О. Розановой, Г. Якулова). Выставка была запрещена Министерством культуры СССР перед самым открытием. Тираж пригласительных билетов был уничтожен (единственный экземпляр сохранился у автора)» (*примеч. автора*).

«Первые выставки открылись в 1961 году. Затем, в 1965 году, — выставка Ларионова и Гончаровой. Последней оказалась выставка Шагала. В 1971 году ее закрыли по распоряжению Фурцевой.

— *Музей оцепила милиция...*

— Да, в течение трех дней мы были на осадном положении. Помню курьезный случай. Меня наверх не пускали. Но один милиционер из любопытства пошел посмотреть и встретился с Николаем Ивановичем Харджиевым, который растолковал ему особенности живописи Шагала. Милиционер оказался настолько заинтересованным и увлекшимся человеком, что его можно было попросить, и он тайком проводил наших друзей» (Из беседы С. Бычкова с Г. Айги // *СС. IV. Т. 4. С. 350*).

Марк Захарович Шагал (Шагал Мойше; Мовша Хацкелевич Шагалов; наст. фамилия семьи — Сегал; 1887–1885) — живописец, график, монументалист, художник театра, сценограф, мемуарист, поэт (писал на идише); один из самых известных представителей художественного авангарда XX века. С 1922 г. — в эмиграции (Германия, США, Франция). Похоронен в Сен-Поль-де-Ванс, недалеко от Ниццы.

Служба: бумага: ночь (С. 131)

Посвящено *Григорию Михайловичу Натанову* (р. 1938), другу поэта, преподавателю математики, составителю книги *Айги-2008*.

Максу Эрнсту: роза-двойник (С. 132)

Макс Эрнст (Max Ernst; 1891–1976) — немецкий художник и скульптор, поэт. Одна из самых ярких фигур в мировом авангарде XX века. Работал во Франции и Америке. В 1919 г. совместно с Х. Арпом и Й. Бааргельдом основал группу дадаистов в Кельне. В 1924 г. в Париже сблизился с французскими сюрреалистами.

Пьеру Эмманюэлю: два голоса (С. 133)

Пьер Эмманюэль (наст. имя Ноэль Матьё; фр. Pierre Emmanuel, Noël Mathieu; 1916–1984) — французский поэт и журналист. Обладатель Большой премии Французской Академии за поэзию; офицер ордена Почетного легиона и Командор Ордена Искусств и Литературы. Автор предисло-

вия к книге Айги «Отмеченная зима», в котором он назвал поэта «одним из крупнейших нашего времени» (ОЗ. С. 5). См. также стих. Г. А. «Пьеру Эмманюэлю: запись, сделанная при переводе его стихов» (1966; СС-7. Т. 2. С. 158).

«Когда впервые прочел мою книгу стихов известный французский поэт Пьер Эмманюэль, он написал мне: „До меня дошел древний изумительный свет погибшей для нас цивилизации, но существующий у вас и дарующий нам память о своей древней культуре. Этот свет помогает нам жить“» («Воскрешение». Из беседы с Г. Айги / Записала Г. Рубан // «Молодой коммунист» (Чебоксары). 1989. 30 нояб. С. 8).

Спокойно: дорогое немногое (Надпись на книге) (С. 134)

Пьер Жан Жув (фр. Pierre Jean Jouve; 1887–1976) — французский поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

«*la neige incertaine*» — неясный (неуверенный, несмелый) снег (строчка стих. Поля Верлена «Dans l'interminable...» («Средь необозримо...») из кн. «Romances sans paroles» (1874; «Романсы без слов»).

«*Sueur de sang*» — кровавый пот. Поэтический сборник П. Ж. Жува с таким названием вышел в 1933 г. с иллюстрациями Андре Массона (2-е изд — 1935 г.).

Хуану Миро: пузыри гласных (С. 135)

Стих. отсылает к живописной работе «Песня гласных» (1966) *Хуана* (Хоана, Жоана) *Миро* (кат. Joan Miró i Ferrà; 1893–1983) — знаменитого каталонского (испанского) живописца, скульптора, графика, дизайнера, одного из лидеров абстрактного и сюрреалистического направлений искусства XX века.

«Образ светлый» — картина Григория Гавриленки (С. 136)

С этого же стихотворения, в исполнении автора, начинается фильм «Григорий Гавриленко: образ светлый» (См.: <https://www.youtube.com/watch?v=63chJ2xfMBQ>. Режиссер — Анатолий Сырых, оператор — Владимир Пика; музыка Валентина Сильвестрова. Украинская студия хроникально-документальных фильмов. Киев, 1990).

«Образ светлый» — работа Гавриленко 1964 г.

Григорий Иванович Гавриленко (1927–1984) — украинский художник, график, иллюстратор, работал также в области станковой живописи. Оформил и проиллюстрировал более 30 изданий, наиболее известны-

ми из которых стали *Vita nova* Данте (1965) и «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели (1966). В 1963–1964 гг. познакомился и подружился с Г. А. Создал ряд иллюстраций к его стихам.

В 1978 г. в Париже вышла книга Айги «Зимние кутежи» во французском переводе Леона Робеля и с рисунками Гавриленко: *Festivités d'hiver / Trad. du russe par Leon Robel*. Paris: Les Éditeurs français réunis.

Из «Роз: посвящений» (Надпись на книге) (С. 138)

Патрис де Ла Тур дю Пен (фр. Patrice de La Tour du Pin; 1911–1975) — французский поэт.

«*Une Somme de Poésie*» («Совокупность поэзии») — название поэтического сборника Ла Тур дю Пена, вышедшего в 1946 г.

И: снится лес (С. 140)

«Первое, что хочется сказать о Валентине Сильвестрове — о человеке и о художнике — кстати, эти понятия в данном случае составляют нечто совершенно единое, как очень сильный сплав в нём, — на мой взгляд, это горящий человек, человек, весь находящийся в творческом горении. <...> Другая черта, отличающая его от многих других людей музыки, людей живописи, словом, современных художников — это особое, врожденное чувство трагического. <...> Уникальный дар Сильвестрова-художника — сопротивление всему псевдоновому в искусстве, именно духовное сопротивление этому. <...> И вот путь Сильвестрова — пробиваться через растущую мелодичность, мелодику, мелос — это и есть путь возрождения истинной музыки, путь поющей души человека. Когда музыка очень механизмуется, подход, выбранный Сильвестровым, сулит большие возможности для будущего» («Горящий дар». Из беседы Г. Айги с музыковедом Мариной Нестьевой // *СС. IV. Т. 4. С. 482, 483, 487*).

Валентин Васильевич Сильвестров (р. 1937) — один из самых известных современных украинских композиторов. В 1964 г. закончил Киевскую консерваторию. В 1970-м исключен из Союза композиторов. Народный артист Украинской ССР (1989). Удостоен Гос. премии Украины (1995), различных международных премий и орденов. Его творчеству посвящены книга С. Павлишина (Киев, 1989) и документальные фильмы А. Сырых (Украина, 1992), Л. Оливье (Франция, 1994) и Д. Супина (Эстония, 2008). Сильвестрову принадлежат семь симфоний, два струнных квартета, вокальные и хоровые сочинения. Он также работал в кино — среди прочего, им написана музыка к фильмам К. Муратовой «Чеховские мотивы» (2002) и «Настройщик» (2004).

В 1977–1978 гг. композитор написал камерную драму на стихи Г. А. «Лесная музыка. Для сопрано, валторны и фортепиано» (памяти В. Ламаха).

Три надписи на книге стихов (С. 141)

«Ещё хочу сказать о Валерии Ламахе. Его знают десятки, может быть уже и сотни деятелей украинской культуры. Однако он до сих пор остаётся чем-то таинственным, его имя окружено легендой. <...>

В упомянутой троице — Сильвестров, Гавриленко, Ламах — он играл доминирующую роль. Это был человек редчайшей мудрости, человек светоносный, необычайно бдительный к той стороне искусства, где защищается и отстаивается добро против всех разрушительных сил. <...> Огромная умудрённость, терпимость Ламаха, яркая талантливость, тонкость восприятия возвышали его над другими. В то же время он являлся не только духовным учителем, но также и эталоном совести, ответственности. Я хочу сказать также, что Валерий, будучи энциклопедически образованным, одарённым как художник-монументалист и как художник-мыслитель, последние два десятилетия писал единственную свою книгу. <...>

Ламах долго искал, в какой форме надо выразить свои мысли и выбирал самые разные пути. Наконец он нашёл очень необычное и весьма талантливое решение и стал излагать повествование в форме свободных стихов. При этом всегда подчёркивал: „Это не поэзия, а нечто другое“. Все, кто знает эту книгу, считают её одной из крупнейших оригинальных книг нашего времени. На мой взгляд, это великая книга. И аналогов ей нет» (*«Горящий дар»*). Из беседы Г. Айги с музыковедом Мариной Нестьевой // СС. IV. С. 485–486).

Валерий Павлович Ламах (1925–1978) — украинский живописец, график, художник-монументалист, плакатист, философ, писатель. Член Союза художников СССР (1954), Национального союза художников Украины (1956). Философско-эстетические взгляды В. Ламаха воплотилось в материальную форму в виде пяти «Книг схем». Памяти В. Ламаха посвящено стихотворение Г. Айги «Спокойно: огни подсолнухов» (1981). (<https://www.youtube.com/watch?v=6RhI2VWqXI&feature=youtu.be&fbclid=IwAR2SIYLRgvg> — док. фильм «Валерий Ламах. Круг жизни» («Укркинохроника»; 2014). Режиссёр и автор сценария А. Сырых; музыка В. Сильвестров).

Георгий (Ежи) Степанович Кухарский (1926–2000) — музыковед, переводчик с польского и французского языков; составитель и комментатор книги «Ф. Шопен. Письма», которая впервые была выпущена в 1964 г.;

ныне является библиографической редкостью. Г. Кухарский перевел также книгу Виктора Ворошильского «Сны под снегом: Повесть о жизни Салтыкова-Щедрина», вышедшую в Лондоне в 1980 г. (в издании фамилия переводчика отсутствует; указано лишь следующее: Аноним. пер. [с пол.], распространяемый Самиздатом). Айги откликнулся на эту книгу рецензией в «Русской мысли» (16. 04. 1981). В пятьдесят лет Кухарский ослеп, но продолжал по-прежнему работать над переводами.

Леонард Евгеньевич Данильцев (1931–1997) — поэт, прозаик, художник. Родился в Ленинграде, жил в Москве. Окончил МСХШ и Театральное училище им. Щукина. Около 30 лет проработал в Библиотеке им. Ленина (ныне РГБ) художником-оформителем. Входил в литературное содружество СМОГ. При советской власти на родине не печатался. Редкие публикации появлялись только на Западе. Автор книг стихов «Неведомый дом» (М., 1990) и «Стихи» (М., 1996). После смерти Леонарда состоялось несколько его персональных выставок. Многие из стихов и прозы не издано до сих пор.

В часы занятий (С. 142)

Впервые: *Айги-2008*. Публикуется по этому изданию.

Посвящается Г. М. Натапову (см. коммент. к стих. «Служба: бумаги: ночь». (С. 278).

«*la neige incertaine*» — см. коммент. к стих. «Спокойно: дорогое немногое (Надпись на книге)» (С. 279).

Обед: картофель (С. 143)

Анатолий Иванович Миттов (1932–1971) — чувашский живописец и график; член СХ СССР (1970). За пять лет до ухода из жизни подружился с Айги. «Анатолий Миттов — художник, воплотивший все свое творчество в подлинно-национальное, в подлинно-чувашское искусство. В этом смысле он — наш первый великий национальный художник, один из корифеев нашей культуры, наряду с Константином Ивановым, Михаилом Сеспелем и Федором Павловым». (Айги Г. Задумываясь о друге (Некоторые тезисы к творчеству Анатолия Миттова) // *СС. IV. Т. 4. С. 129*).

Поэт (К 60-летию Яна Сатуновского) (С. 144)

«...Борис Слуцкий и Ян Сатуновский. Слуцкий оголяет слово, лишает его поэтизм. Сатуновский же, на мой взгляд, гораздо многограннее. У него есть та же прямота и оголенность, что и у Слуцкого, но также

он идет и с другой, „хлебниковско-крученовской” стороны, он наслаждается природной данностью русского слова, наслаждается тем, что это слово само по себе прекрасно, что это Богом данная человеку игра. <...> Кстати, поэзия Яна Сатуновского — это своего рода летопись всей нашей жизни. И фиксация примет нашей жизни сделана удивительно живым, чутким словом. Летопись — очень характерная черта поэзии Якова Абрамовича» (Г Айги «Летопись всей нашей жизни» // СС. IV. Т. 4. С. 192; текст впервые опубликован в: Сатуновский Ян. Рубленая проза. Собрание стихотворений. München (Arbeiten und Texte zur Slavistik, 58)).

Ян (Яков Абрамович) Сатуновский (1913–1982) — поэт, участник Великой Отечественной войны. В конце 1920-х гг. сблизился с поэтами-конструктивистами. В СССР публиковались только его детские стихи. С середины 1970-х гг. печатался на Западе. Один из лидеров «Второго поэтического авангарда»; входил в *лианозовскую* группу поэтов и художников.

Дневная песнь соловья (С. 145)

Сергей Александрович Ниточкин (р. 1941) издатель, библиофил. В 1988 г. открыл первый в СССР частный букинистический магазин «Раритет». В 1990-м организовал издательство «Раритет-537», в котором коллекционным тиражом в 537 номерованных экземпляров (из них с 1 по 12 в особых коробках с оригиналом рисунка художника, автографом поэта, с 13 по 37 с автографами поэта и художника) выпустил ряд книг выдающихся современных поэтов в оригинальном оформлении известных художников. В 1992 г. издал кн. Г. А. «Свечи во мгле и несколько песенок» с рисунками И. Вулоха.

Моцарт: «Кассация 1» (С. 146)

Это стихотворение, наряду с другими текстами, посвященными любимым композиторам и музыкантам Г. А. (А. Волконскому, В. Сильвестрову, М. Пекарскому и др.), включено в книгу: Айги Г. Памяти музыки: К 200-летию со дня рождения Франца Шуберта. Чебоксары, 1998.

«Художники и музыканты были моим спасением. Кроме трагического Зверева, это Владимир Яковлев и Игорь Вулох. Они живут здесь, но и сейчас еще в своей стране известны лишь очень немногим. О них, как и о композиторах Софье Губайдулиной, Андрее Волконском, Валентине Сильвестрове, надо говорить много и специально. <...> Все эти люди значили в моей судьбе неизмеримо много» (Разговор. С 286).

«Поэзия (у Айги — А. М.) уж очень хорошая. Я давно заметила, что из его стихов получаю импульс к тому душевному состоянию, в котором нахожусь выход в небесные, самые высокие начала мира. Здесь все возбуждает фантазию, в каждом слове, в паузах, в пунктуации и даже пространстве между строк — невероятная экспрессивность, и — вдруг! — невероятная разреженность: снег, чистота, белизна...» («О музыке и о себе „В знак дружбы“ (Беседа с Софией Губайдулиной)» // Музыкальная академия. 1994. № 3. С. 5).

София Асгатовна Губайдулина (р. 1931) — одна из самых ярких и глубоких композиторов второй половины XX века. Автор более ста симфонических произведений, сочинений для солистов, хора и оркестра, инструментальных ансамблей, музыки для театра, кино и мультфильмов. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Лауреат многих престижных отечественных и международных музыкальных премий. С 1991 г. живет в Германии. Познакомилась и подружилась с Г. А. еще в 1950-х гг. В 1972 г. положила на музыку пять стихотворений Айги (вокальный цикл для голоса и фортепиано «Розы»), в 1993-м написала на его стихи кантату для камерного хора и камерного ансамбля «Теперь всегда снега». Кроме того, вдохновившись образами Г. А. и позаимствовав у поэта название его стихотворения, созданного в 1968 г., Губайдулина сочинила концерт для виолончели и большого симфонического оркестра «И: Празднество в разгаре» (1993).

Сцена: человеко-цветенье (Антуан Витез) (С. 147)

Антуан Витез (фр. Antoine Vitez; 1930–1999) — французский театральный актёр и режиссёр, педагог; поэт, переводчик, фотограф. В 1979–1988 гг. возглавлял Национальный театр «Шайо». В 1988–1990 гг. был директором «Комедии Франсез». Театр в Иври-сюр-Сен, южном пригороде Парижа, носит имя режиссера.

«Первые же дни нашей дружбы и любви залили меня каким-то невыносимым светом. В марте и апреле 1977 года я присутствовал на многих репетициях его «Тартюфа» в московском театре Сатиры. И всегда уходил с ощущением, что от сцены, где царит энергия Антуана, веет какой-то огненной белизной.

Назвавши меня «абсолютным поэтом», он более меня был таковым. В своей поэзии, в замечательных переводах с новогреческого, в ослепительно чистой и грустной классике. И, конечно, в первую очередь, — в театре». (Айги Г. Памяти Антуана Витеза // *СС. IV. Т. 4. С. 272*).

«Простота это не наивность. Тот, кто достигает простоты, добывается ее мучительным трудом, работой над самим собой и лишь тогда обнажено и прямо он может спокойным голосом говорить правду.

«Простым и откровенным, правдивым и чистосердечным, — таким представляю я своего друга Айги» (Витез А. Мой друг Айги: Пер. с фр. // Мир этих глаз-2: Айги и его художественное окружение: Альбом-кат. Чебоксары, 1997. С. 126).

Г. А. посвятил Витезу также стих. «Два дня — осознанного солнца» (1977) и прозаический текст «Стихи друга — теперь — без него» (1996). А в апр. 1989 г. в Чувашском художественном музее открылась организованная Г. А. выставка «Творчество режиссера Антуана Витеза».

Образ — в праздник (С. 148)

«1960 год — появление в моей жизни Казимира Малевича. Искусство — это Миростроение, Миропреображение, а не отражательно-имитационный „лиризм“, не самозаводящееся говорение на основе ранее накопленных „словесных форм“» (Из беседы Г. А. с В. Амурским // СС. IV. Т. 4. С. 391). См. также коммент к стих. «Казимир Малевич» (1962) (С. 265).

Далекий рисунок (Памяти Владимира Пятницкого) (С. 149)

Владимир Павлович Пятницкий (1938–1978) — художник, прозаик; один из ведущих представителей московского андеграунда 1960—1970-х гг. Учился в МГУ на хим. факультете. В 1959 г. изгнан за формализм из Московского текстильного института. В 1965-м окончил Полиграфический институт в Москве. Летом 1971 г. в содружестве с Натальей Доброхотовой создал книгу гротескных литературно-исторических «анекдотов», приписываемых Д. Хармсу: Доброхотова-Майкова Наталья, Пятницкий В. Веселье ребята: Однажды Гоголь пришел к Пушкину / Рис. В. Пятницкого. М., 1998.

В начале 1960-х гг. входил в «группу Васильева» (*Александр Георгиевич Васильев* (1939–1993) — подпольный книготорговец, букинист, коллекционер, сын Г. Н. Васильева, режиссера и сценариста, одного из создателей знаменитого фильма «Чапаев» (1934)), о которой неоднократно писал Г. А. (см., например, здесь: «Про Сашку Васильева» (М., 2012. С. 164–166; на с. 167–169 — два стих. Г. А., посвященных А. Васильеву). «Вокруг Васильева сформировался круг литераторов, историков, искусствоведов, философов, и художников, который поэт Геннадий Айги называл „Васильевский кружок“. В него входили среди прочих художники: В. Пятницкий, И. Ворошилов, В. Яковлев, Э. Курочкин, С. Афанасьев, Н. Шибанова» (Т. Кондакова «Про Сашку Васильева. Книга»: kondakovatanja.livejournal.com).

Чонтвари (С. 150)

«Тивадар *Чонтвари* Костка (венг. Csontváry Kosztka **Tivadar**, 1853–1919) — выдающийся венгерский художник-самоучка. Излюбленный мотив его пейзажей — горы» (*примеч. автора*). Аптекарь и сын аптекаря Т. Костка, никогда прежде не занимаясь живописью, в 1801 г. пережил озарение: голос с небес сообщил ему, что его судьба — стать великим художником. Он поверил в свое предназначение, взял себе псевдоним «Чонтвари», начал рисовать и решил за 20 лет превзойти самого Рафаэля. При жизни художник не продал ни одной своей картины, а после смерти его имя было предано забвению. Ныне Чонтвари признан как один из самых оригинальных и знаменитых живописцев Венгрии.

Гуашь (С. 152)

См. также стих. Г. А «Ветры-сиянья: отъезды», посвященное Л.-Н. и М. Рогинским (ОЗ. С. 321–322).

Михаил Александрович Рогинский (1931–2004) — художник. В 1978 г. эмигрировал во Францию. Похоронен на Донском кладбище в Москве. В России Михаил Рогинский получил признание только в последние несколько лет перед его кончиной. Персональные выставки Рогинского прошли в 1999–2004 гг., в том числе в Третьяковской галерее и Русском музее. В 2003 г. был выдвинут на Гос. премию, но получить ее уже не успел.

«И последней моей мучительной любовью был Михаил Рогинский, художник трагический и мудрый человек. Он вынужден был эмигрировать во Францию — от нищеты жизни в 1978 году. Встреча с ним во Франции убедила еще раз, что он большой и трагический художник» (Мир этих глаз-2: Айги и его художественное окружение: Чебоксары, 1997. С. 99).

К разговору о К. — Ольге Машковой (С. 156)

К. — имеется в виду Франц Кафка (*здесь и далее*).

Ольга Машкова — чешская поэтесса и переводчица (переводила «Фауста» Гете, «Евгения Онегина» Пушкина и др.). В 1967 г. в ее переводе на чешский вышла книга Г. А. «Здесь». О. Машковой посвящен ряд стих. Айги второй половины 1960-х — начала 1970-х гг.

Август: Ницше в Турине (С. 157)

«Когда я стал читать воспоминания Маяковского, то узнал, что он обожал Пастернака. С большим трудом я начал постигать Пастернака. В его сочинениях я встретил упоминания о Рихарде Вагнере, через Вагнера

нашел сочинения Ницше. И хотя в Ленинке невозможно было получить книги Ницше, я уже нащупал связи с книжным миром Москвы. <...> Во многом мне помог Ницше. Благодаря ему я понял, что человек — это дух. Что дух и человек — тождественные понятия» (СС. IV. Т. 4. С. 343).

С Турином связан один из самых трагических эпизодов в жизни Фридриха Ницше. Этот итальянский город он «открыл» для себя в апреле 1888 г. Конец августа — начало лихорадочной интенсивной работы: Ницше пишет «Сумерки идолов» и «Антихриста»; затем принимается за «Ессе Номо». 3 янв. 1889 г. философ увидел, как на туринской площади кучер хлещет кнутом лошадь. Не в силах выдержать этого зрелища, он выбегает из дома, бросается к лошади, обнимает ее... Следствием этих переживаний был апоплексический удар и в дальнейшем — помрачение рассудка. Ницше умирает в Веймаре 25 авг. 1900 г. Через 34 года, 21 авг., на свет появляется будущий «экстраординарный поэт современного русского авангарда» (определение Романа Якобсона) Геннадий Айги.

«Туринское происшествие» не смогло оставить равнодушными и кинематографистов. В 2001 г. бразильский режиссер Жулио Брессане, по сценарию, написанному им совместно с Р. Диасом, снял фильм «Дни Ницше в Турине». А в 2011-м венгры Бела Тарр и Агнеш Храницки (сценарий Л. Краснахоркаи) выпустили свою версию под названием «Туринская лошадь».

Степень: остоики (С. 159)

«Остоики — от слова «остойчивость» (морской термин: способность судна сохранять равновесие во время плавания)» (примеч. автора).

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982) — прозаик, поэт; автор знаменитых «Колымских рассказов». Был дважды репрессирован. На Колыме, в советских лагерях, провел в общей сложности 16 лет.

«Я сказал Варламу Тихоновичу, что у меня есть стихотворение, посвященное ему. Этим он живо заинтересовался. <...> После получения машинописной книги моих стихов ответ Шаламов был очень быстрым. Он передал мне через И. С. свой стихотворный сборник „Дорога и судьба“ с дарственной надписью: „Поэту Геннадию Лисину (моя старая фамилия — Г. А.) с глубокой симпатией. Я не верю в свободный стих, но в поэзию — верю! В. Шаламов. Москва. Январь 1968“. <...> Поблагодарив за посвященное ему стихотворение, он просил передать мне дословно: „Обо мне писали много, стихи, есть даже песня. Ничто из них мне не нравится. Это стихотворение — лучшее, написанное обо мне, единственное, верно соответствующее мне и моему творчеству“» (Разговор. С. 188–189).

«И. С. — литературовед И. П. Сиротинская» (примеч. автора).

Г. А. посвятил В. Шаламову стих. «Два портрета» (1967), «К заре: после занятий» (1967), «И: последняя камера» (1979), «Стланик на камне» (1982).

Вещи давнего дома (С. 161)

Посвящено *сестре* поэта Луизе Николаевне Лисиной (псевдоним Юманкка; р. 1937), художнице. Луиза — инвалид первой группы с детства (олигофрения); человек необычайной кротости и доброты.

Розы на Вацлавской площади (С. 162)

Ян Палах (чеш. Jan Palach; 1948–1969) — студент философского факультета Карлова университета в Праге. 16 янв. 1969 г. совершил самосожжение на Вацлавской площади в Праге в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками Советского Союза и других стран Варшавского договора. В 1991 г. Палах посмертно награждён чешским орденом Т. Г. Масарика первой степени. Памяти Яна Палаха посвящены песни, фильмы, стихи. После Бархатной революции на Вацлавской площади был открыт мемориал в честь его подвига. Имя Палаха носит одна из центральных площадей Праги.

Оригинальная интерпретация этого стихотворения содержится в работе немецкого слависта Райнера Грюбеля (Грюбель Р. Молчание о листопаде — новый псалом. Несколько слов об аксиологии литературы и о поэзии Айги // Литературное обозрение. 1998. № 5/6. С. 44–45).

Снова к празднеству (С. 164)

«Бла — сокращенное от „блатное“» (примеч. автора).

Прогулка: гвоздики на могиле Владимира Соловьева (С. 166)

В. Лосской — посвящено *Веронике Константиновне Лосской* (Юдиной-Бельской; 1931–2018), известной французской славистке, литературоведу, доктору наук, профессору Сорбонны по кафедре славистики, автору монографий о М. Цветаевой. Именно она еще в 1974 г. предложила Айги издать книгу его стихотворений во Франции (большой том стихов Г. А. «Отмеченная зима» удалось выпустить — правда, лишь через восемь лет — благодаря ее неутомимой подвижнической деятельности).

...*вот веет тонкий хлад...* — начало предпоследней строки стих. поэта и философа Владимира Сергеевича Соловьева «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...» (1882): «Вот веет тонкий хлад, и в тайном дуновенье / Он Бога угадал».

Могила В. С. Соловьева находится на территории Новодевичьего монастыря в Москве.

Černá hodinka: на могилу К. (С. 168)

О. Машковой — см. коммент. к стих. «К разговору о К. — Ольге Машковой» (С. 286).

Кахаб-Росо: могила Махмуда (С. 170)

Махмуд из *Кахаб-Росо* (имя при рождении Махмуд Магомедов; 1872/73–1919) — крупнейший аварский поэт, автор знаменитой поэмы «Мариам». Был имамом в родном ауле. Служил кадием 2-го Дагестанского полка во время Первой мировой. Награжден Георгиевским крестом за отвагу. В 1919 г. убит выстрелом в затылок в ауле Игали. Похоронен в Кахаб-Росо, где открыт дом-музей поэта.

Поэзией народов Дагестана Геннадий Айги начал интересоваться довольно давно. В 1960-х гг. он создает цикл стихотворений на чувашском языке «ДАГЕСТАН, САРТ-ТУ СЁРЁ» (1965–1969), в который включены стихи, посвященные горским аулам Гуниб, Хунзах, Кубачи и др., а также переложения текстов особо любимых им поэтов — даргинца Омара Батырая (1831–1902), которого в Дагестане называют «отцом даргинской поэзии», и аварца Махмуда (см.: Айхи А. Сьырнисен пуххи [Т. 1]: [Сăвăсемпе поэмăсем, куçарусем] / Г. Айхи; [Н. А. Сельверстрова, Е. Н. Лисина пухса хатёрл.]. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2008).

«*Černá hodinka* — „черный часок” (чешск.) — беседа во время сумерек» (примеч. автора).

Поле: в разгаре зимы (С. 173)

«Я общался с Рене Шаром начиная с 1968 года. Когда вышла моя антология “Поэты Франции XV–XX веков” в чувашском переводе, Рене Шар был первым, кто откликнулся на это издание. Сделал он это, переписав адрес издательства кириллицей, несколько неуклюже, и эта драгоценная открытка, слава Богу, до меня дошла; и то, что первым ответил мне крупнейший поэт современной Франции, меня поразило уже само по себе, самым этим фактом. <...>

«...в нашей современности, когда слово настолько пало, я не могу назвать поэта, который бы всю свою жизнь стойко сохранял достоинство Поэтического Слова, величие этого Слова, как это делал Рене Шар» (*Разговор*. С. 138–139).

Рене Шар (фр. René Char; 1907–1988) — один из крупнейших французских поэтов XX столетия. Участник Сопротивления (1941–1945 гг.; сражался в партизанском отряде). Альбер Камю назвал его «самым поразительным явлением французской поэзии после „Озарений“ Рембо и „Алкоголей“ Аполлинера» (эссе «Рене Шар», 1958). В Лиль-сюр-ла-Сорг открыт Дом-музей Р. Шара; во Франции учреждена премия его имени молодым поэтам.

Розы в горах (С. 174)

«...В мире есть нечто несказанно прекрасное, чистое; есть изумляющая первозданность, которую мы видим. Об этом хочется говорить и говорить. И вот розы, или флоксы — они лучшие сосуды для этой белизны, этого целомудрия, когда дух захватывает от великолепия» (СС. IV. Т. 4. С. 473).

Поле: туман (С. 176)

Ева Николаевна Лисина (р. 1939) — известный чувашский прозаик, поэт, переводчик, член СП СССР (1988), библиограф, заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2001), лауреат премии им. В. Митты. Автор сказок, рассказов, повестей и пьес на чувашском и русском языках. Перевела на чувашский язык произведения А. Н. Островского, Э. Де Филиппо, П. Гариней, Ю. О'Нила и др. Одна из переводчиков Библии на чувашский язык. Удостоена различных литературных премий России и Германии. Младшая сестра Г. Айги.

И вновь: боярышник (С. 177)

В. Сильвестров — см. коммент к стих. «И: снится лес» (С. 280).

Снег с перерывами (С. 179)

Виктор Ворошильский (Wiktor Woroszyński; 1927—1996) — польский поэт, прозаик и переводчик. Переводил на польский поэзию В. Маяковского, И. Бродского, Г. Айги, Н. Горбаневской, С. Аверинцева, И. Ратушинской, дневники М. Пришвина, произведения М. Зощенко, А. Солженицына. Автор польских биографий А. Пушкина, В. Маяковского, С. Есенина. Его собственные произведения переведены на многие европейские языки. В переводе на русский выходил его роман «Сны под снегом: повесть о жизни Михаила Салтыкова-Щедрина» (London: Overseas Publications Interchange, 1980).

«Впервые мои стихи в Европе появились в 1962 году, в молодежной варшавской газете «Sztandar młodych». Их опубликовал выдающийся

польский писатель Виктор Ворошильский. Мы с ним учились в Литературном институте, но знал я его тогда неблизко. Подружились гораздо позже. В 1956 году он уехал из нашей страны» («Воскрешение». Из беседы с Г. Айги / Записала Г. Рубан // «Молодой коммунист» (Чебоксары). 1989. 30 нояб. С. 8). См. также эссе Г. А. «Сны под снегом (Об одноименном романе Виктора Ворошильского)» (СС. IV. Т. 4. С. 107—112) и «Снег: вижу за вас» (Там же. С. 112—114).

14 лет назад вышла большая антология переводов Ворошильского из русской поэзии: Woroszylski W. «Moi Moskale: wybór przekładów z poezji rosyjskiej od Puszkina do Ratuszyńskiej. Wrocław: Biuro Literackie, 2006. На русском языке отрывок из этой антологии публиковался под названием «Мои русские» («Новая Польша». 2000. № 9. Предисл. и пер. с польск. Н. Горбаневской).

Окраина: тишина (Памяти Поэта) (С. 183)

«Окраина: тишина» — единственное стихотворение, посвященное памяти Мандельштама. В ОЗ (с. 225) оно публиковалось под названием «Бла-место: тишина». Отвечая на вопросы интервью в 1974 г., Г. А. называет *гениальным* стих. О. Э. М. «Чернозем», написанное в 1935 г. (*Разговор*. С. 27).

Имя Мандельштама встречается в некоторых прозаических текстах Г. А. (см. например, начало «Разговора с польским другом», где Айги пишет о нем как об одном из крупнейших русских поэтов: *Разговор*. С. 16). Но, как правило, это лишь отдельные упоминания. Вообще, судя по высказываниям Айги, ему интереснее и ближе был Мандельштам середины — второй половины 1930-х гг. Вот одно из таких высказываний: «Все, что сделал русский классический авангард, все лучшее должно войти в классический корпус русской культуры. Как закономерное продолжение, как истинное национальное достояние, постоянно возрастающее. Надо посмотреть вот еще что: как авангардное обострение формы сказалось на таком элитарном поэте, как Мандельштам. Я имею в виду его „Воронежские тетради“: „...В театре публики лежало / Не больше трех карандашей, / И дирижер, стараясь мало, / Казался чортом средь людей“. Это уже почти Хармс или Введенский, которые на него влиять не могли уж никак. <...> И оказался родственным, и заговорил на одном языке с ними. Когда его жизнь довела» (*Разговор*. С. 288).

Обращено к Надежде Яковлевне Мандельштам (урожд. Хазиной; 1899–1980), жене поэта; писательнице, мемуаристке, автору «Воспоминаний», «Второй книги», «Третьей книги» и «Об Ахматовой».

В 2011 г. в Амстердаме одна из улиц была названа в честь Надежды Мандельштам. 25 сентября 2015 г. на этой улице открыли памятник О. и Н. Мандельштам (копия «Памятника любви» — монумента, установленного 25 мая 2010 г. в Санкт-Петербурге, во дворе здания Двенадцати коллегий СПбГУ).

**Запись (с «постоянными эпитетами») —
после разговора с человеком из «отделения» (С. 186)**

Эпиграф: Г. А. — не вполне точно — цитирует фразу из первого абзаца первой главы романа Франца Кафки «Процесс» (1925), в переводе Р. Райт-Ковалевой (1965): «Тотчас же дверь открылась, и в комнату вошел какой-то человек».

Ты моя тишина (С. 188)

«Ты моя тишина» — так же называется и первая часть кантаты С. Губайдулиной на стихи Г. А. «Теперь всегда снега» (1993; см. об этом в коммент. к стих. «Моцарт: „Кассация 1“ (С. 283)». См. также письмо Губайдулиной Айги (и комментарии к нему Г. Б. Айги), опубликованное в *Айги-книге*. С. 205–209).

«В шестидесятых годах у меня был недолгий период, который я, для самого себя, называю „веберновским“. *Тишина* входила в мои стихи в виде больших смысловых пауз с временным протяжением — наравне с тем или иным словесно-звучащим „периодом времени“. Теперь мне все более хочется, чтобы одно цельное стихотворение каким-то образом представляло собой — „саму“ *тишину...*» (*Разговор*. С. 158–159).

И: роза-дитя (С. 190)

Сыну Алеше — стих. посвящено *Алексею Айги* (р. 1971), сыну Г. Н. Айги и Н. М. Айги (Алёшиной), скрипачу, композитору и дирижеру, руководителю ансамбля «4'33''»; автору десятков инструментальных партитур и более 50 саундтреков (киномызыка для фильмов Р. Пека, Х. Корээда, П. Боницера, П. Лунгина, К. Серебренникова, В. Тодоровского, М. Калатошишвили, В. Хотиненко и др.); лауреата кинопремий «Ника», «Золотой Орел», фестивалей «Кинотавр» и «Киношок» и др. Концертные сочинения Айги исполняют ведущие российские музыканты: А. Любимов, А. Горibold, Т. Гринденко и ансамбль *Opus Posth*, Академический оркестр Петербургской филармонии. Помимо работы в кино, А. Айги много выступает в России и за рубежом со своим ансамблем и с др. музыкантами. 11 лет назад Алексей написал сочинение для хора, группы и оркестра

«Поклон — пению» (2009; первая версия) — к одноименному поэтическому циклу Геннадия Айги (См.: Айги Г. Поклон — пению. Сто вариаций на темы народных песен Поволжья. М., 2001).

Запись: apophatic (С. 193)

Посвящено К. П. Богатыреву (см. коммент. к стих. «Поэту розы поэта (К 40-летию К. Богатырева)»). (С. 272).

«Апофатика — богословское учение о непознаваемости Бога» (примеч. автора).

Ветка вербы в окне (Памяти Константина Богатырева) (С. 194)

Пьер Реверди (фр. Pierre Reverdy; 1889–1960) — французский поэт. Издатель журнала «Норд-Сюд» («Северо-Юг»; 1916–1918). Сюрреалисты считали его своим предшественником. Луи Арагон, Андре Бретон и Филипп Супо говорили о Реверди в 1924 г.: «Лучший из ныне живущих поэтов. Мы рядом с ним просто дети».

Сыну сентябрьские звезды (С. 200)

Алеше — посвящено Алексею Айги, сыну поэта (см. коммент к стих. «И: роза-дитя» (С. 292)).

Призраком надписи (С. 202)

Сестре Еве — посвящается Е. Н. Лисиной (см. коммент к стих. «Поле: туман» (С. 290)).

И: место рябине (С. 208)

Святая великомученица Параскева жила в III веке. Она была дочерью сенатора Иконии — столице древней Лакаонии (Малая Азия). Ее, родившуюся в пятницу, день крестных страданий Господних, нарекли Параскевой, что в переводе с греческого и означает — Пятница. За стойкость в исповедании веры Христовой ее подвергли страшным пыткам и истязаниям, а затем отсекли голову. День памяти св. Параскевы Иконийской — 10 ноября (28 окт. по ст. ст.). В народе мученицу называли Пятницей, Пятиной и Петкой. Икону Святой Параскевы украшали плодами рябины, колосьями ржи и пшеницы, она считалась целительницей от телесных недугов и душевных заболеваний.

18 октября 2006 г. участники 2-го Международного поэтического фестиваля им. К. М. Бельмана «Скандинавия–Поволжье» посетили могилу

Айги в его родном селе Шаймурзино и посадили, по чувашскому обычаю, семь кустов рябины.

Теперь всегда снега (С. 231)

Одно из самых известных стихотворений Айги. Книга, получившее название по этому тексту, была одной из первых книг поэта, изданных в постперестроечной России: (см.: *Теперь*). Стих. звучит — в исполнении автора — и в документальном фильме режиссера Марины Разбежкиной «Геннадий Айги» (канал «Культура», программа «Острова»; 2001).

Сон: горы — все дальше от Кахиба (С. 215)

«Кахиб — крупный дагестанский аул, бывший райцентр» (*примеч. автора*).

Кахиб, один из древнейших аулов Дагестана, находится в Шамильском районе, в ущелье реки Кахибтляр, притока Аварского Койсу.

В ветер (С. 216)

Было и осталось — строки из стих. Поэта Яна Сатуновского (см. о нем коммент. к стих. «Поэт (К 60-летию Яна Сатуновского)» (С. 282)) «Было и осталось...» (1966):

Было,
и осталось,
и забыть не могу,
как я шел со станции
в крови и в снегу.
Шла навстречу
девочка,
ребенок лет пяти.
Смахнула меня венчиком
со своего пути.

ЛЕТО С АНГЕЛАМИ (С. 217)

Впервые: *Разговор*, 2001.

В 2000 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга московского поэта, лианозовца Генриха Сапгира (1928–1999) — с таким же названием; причем у Сапгира не было текста, именованного «Лето с ангелами», но в книгу, где собраны в основном произведения последнего лета его жизни, включены «ангельские» стихи из различных циклов

и сборников: «Рисующий ангелов», «Тени ангелов», «Кленовые ангелы», «Ангелы в армии» и даже «Ангел Веничка» (текст, в котором описаны последние месяцы жизни писателя Венедикта Ерофеева).

«В подмосковном поселке Лианозово нескольким юношам рассказывает о Гуро, о кубистах и Казимире Малевиче странный старик (родившийся в один год с Маяковским) — Евгений Кропивницкий, — из его „лианозовской школы“ выйдут в середине пятидесятых годов поэты Генрих Сапгир и Игорь Холин, „найденные“ Кропивницким в лианозовских рабочих бараках...» (*Разговор*. С. 198).

Предваряя подборку стихотворений Г. А. в «Самиздате века», Сапгир писал:

«Долгое время Айги работал в музее Маяковского, — когда тот был еще на своем старом месте, возле Новоспасского монастыря. Изучение футуристов, Крученых в частности, мне думается, сильно повлияло на его поэзию.

Запомнилась почему-то давняя-давняя зима, когда мы ездили к Айги в деревню на краю прежней Москвы, возле Мосфильма. Были глубокие сугробы, мы возились и играли в снежки, как дети. Айги жил в избе, за окном чернел сад...» (*Самиздат века: Антология* / Ред. Ишков М., Ахметьев И., Кулаков В. М., 1999. С. 443).

См. также: Орлицкий Ю. Б., Павловец М. Г. Наследники Хлебникова: Генрих Сапгир, Геннадий Айги, Александр Кондратов, Сергей Бирюков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018. Т. 15. № 1. С. 94–110.

ЧТО ЗАБРЕДАЕТ В СЛОМАННУЮ ФЛЕЙТУ (С. 229)

Впервые: *Разговор*, 2001.

Акимуцу Танака (р. 1948) — поэт, переводчик, фотохудожник. Автор книг стихов «Прыгаю с фосфором» (Токио, 1983), «Экимоз голоса» (Токио, 1990), «Губы лучей» (Токио, 1990). Составитель и переводчик «Антологии современной русской поэзии» («Гендаиси Тэте», Токио, 1991, N. 5). Переводчик книги стихов Г. А. на японский язык (Айги Г. Сборник стихотворений. Токио. Ямада, 1997).

«Свободно пишет по-русски, добиваясь особой выразительности подстрочника как жанра, где неоспорима „отдельность“ слова и возвеличено значение паузы, вакуума, находящегося между атомами. Танака — это, конечно восприятие, о котором рассказано метафорой. Его виртуальные образы очищены от символики, опыт присутствия — самое важное в его произведениях. Танака — черно-белый фотограф, в его пейзажах даны обширные пространства то ли успокоившейся, то ли готовящейся

к прыжку природы, миг от начала или конца» (Алексей Парщиков // [http: /kassandrion.narod.ru/commentary/08/04tanaka.htm](http://kassandrion.narod.ru/commentary/08/04tanaka.htm)).

ВЕТЕР ПО ТРАВАМ (Кое-что из российского бельманизма) (С. 235)

Впервые: Айги. Г. Ветер по травам (Кое-что из российского бельманизма) / Рис. И. Улангина. Шубашкар (Чебоксары), 1997.

Игорь Аркадьевич Улангин (р. 1962) — художник-график, директор издательства «Free poetry» (Чебоксары), созданного им в 2004 г. За время существования издательства были выпущены десятки каталогов и альбомов, сборников российских и зарубежных поэтов. Среди самых значительных книжных проектов Улангина — создание большого графического цикла (свыше 50 цветных рисунков) к книге А. Введенского «Гость на коне» (СПб.: Вита Нова, 2011). За иллюстрации к книге «Опыт графического общения с лирикой А. С. Пушкина» (1999) награжден грантом «Пушкинист» (Фонд Сороса). Лауреат Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

Произведения К. М. Бельмана Г. А. начал переводить в 1990 г. 5 апр. 1995 г. он основал Чувашское Бельмановское общество и стал его первым Герольдом. В этом же году (2-е изд. — 1999) в чебоксарском издательстве «Руссика» вышла книга К. М. Бельмана «Сывлăха, тăвансемĕр» («Во здравие, друзья»), в переводе на чувашский язык Г. Айги и еще нескольких чувашских поэтов; в сопровождении цикла иллюстраций И. Улангина, который позднее вышел отдельным изданием в виде альбома из 30 офортов (1996). В 2002 г., к Дням Бельмана в Чебоксарах, вышла книга «Бельман чăваш кĕрекинче» («Бельман в чувашском застолье»); переводы на чувашский Г. А. и И. Трера; рис. И. Улангина.

В издательстве «Free poetry» — в своем оформлении — Улангин напечатал книги Г. А. «Все дальше в снега» (2004; 2005), «Поля этого лета», а после смерти поэта — три небольших книжки под общим названием «Венок Айги» (2016; составитель А. Хузангай).

ЛЕТО С ПРАНТЛЕМ (С. 243)

Впервые: *Разговор*, 2001.

Карл Прантль (нем. Karl Prantl; 1923–2010) — известный австрийский скульптор.

«Скульптор Карл Прантль родился 5 ноября в Петчинге, в Нижней Австрии. <...> Земля Бургенланд (античная Паннония) лежит на границе с Венгрией. Там же находятся каменоломни Сент-Маргаретен. <...> Эти каменоломни <...> явились отправной точкой эксперимента, начатого

Карлом Прантлем и уже вошедшего в историю. К. Прантль организовал там „Первый Европейский Симпозиум по Скульптуре“. Вместе с другими своими коллегами-скульпторами он покинул ателье, музеи и академии и вернулся в каменоломни и на открытые ландшафты. Симпозиумы длились на протяжении почти трех десятилетий, в течение которых Прантль и его друзья посещали, пересекая границы стран и языков, разбросанные по всей земле удаленные исторические места — всегда на границах между странами.

Работы Прантля путешествовали по всей земле: он побывал с ними в Берлине, на месте старой Кроль-оперы, в пустыне Негев на Синае, вдоль хайвэя между штатами Нью-Йорк и Вермонт, в Индии, в Осаке (Япония), Нордхорне, в округе Емсланд и Санкт-Иоханне, в земле Саарланд (Германия) и во многих других местах по всему миру» (Из статьи Манфреда Баушulte «Степень: остоики» (пер. Галины Куборской-Айги) // Дети РА. 2008. № 3(41) (<http://www.detira.ru/arhiv/publication.php?id=305>))

Содержание

За особые заслуги (<i>М. Айзенберг</i>)	6
НАЧАЛА ПОЛЯН	9
Предисловие к «Началам полян»	11
Здесь	12
В рост	14
Завязь	15
Вступление к поэме	16
Из поэмы о Волькере	17
Ночь первого снега	18
Бодлер	20
Сон-огонь	21
Пока	22
День	24
Куст	26
В декабрьской ночи	28
Прощальное	29
Отъезд	30
Сад в декабре	31
Снег с сосен	32
ОТМЕЧЕННАЯ ЗИМА	33
Тишина	35
Смерть	36
Дом друзей	37
Снег	38
Счастье	39
Отмеченная зима	40
Прощальное	41
Детство	42

Женщина справа	44
Окна весной — на Трубной площади	46
ПОЛЯ-ДВОЙНИКИ	47
Утро в детстве	49
Поле — до ограды лесной	50
Без названия («посредником было окно слуховое...»)	52
Заморская птица	53
Предзимний реквием	54
Казимир Малевич	55
К предзимнему реквиему	56
Вдруг — мелькание праздника	57
Девочка в детстве	58
ДЕНЬ ПРИСУТСТВИЯ ВСЕХ И ВСЕГО	59
Распределение сада	61
К распределению сада	62
Река за городом	63
Мадригал поэту	64
Начало леса	65
Появление снега	66
Весть в терцинах	67
Коломенская церковь	68
СТЕПЕНЬ: ОСТОЙКИ	69
Второй мадригал	71
Посвящается детство	72
Константин Леонтьев: утро в Оптиной пустыни	74
Друг этих лет	76
Больница в Сокольниках	77
Заря: в перерывах сна	78
Н. Х. Среди картин	79
Без названия («ярче сердца любого единого дерева...»)	80
О чтении вслух стихотворения «Без названия»	81
К посвящению детства: чистка орехов	82

УТЕШЕНИЕ 3/24	83
Знамена Гази-Магомеда	85
Дом поэта в Вологде (Константин Батюшков)	86
Голод — 1946	87
Гимры	88
К XXXI песне «Рая»	90
Розы с конца	91
Сон: очередь за керосином	92
И: засыпая: лес	94
ЗИМНИЕ КУТЕЖИ	95
От автора	98
Путь	101
Сад ноябрьский — Малевичу	102
Лес старинный	103
Стихи к танцу	104
К кутежу живописцев	105
Зимний кутеж	106
Место: пивной бар	107
Страницы дружбы	108
Без названия («река — уже иная — окружает...»)	111
Поэту розы поэта	112
К портрету работы Владимира Яковлева	113
Снег в саду	114
Д. Д. и М. Н. Бурлюкам: на прощанье	115
Сон: рукописи	116
На тему Божидара	117
При посылке роз	118
К свадьбе друга	119
КРЧ — 80	120
Иная роза: для Анри Мишо	121
Пять матрешек	122
После случая в конторе-мире	123
В горах Аддала-Шухгельмеэр	124

Поэт (Б. Л.)	125
Третий кузнецик	126
Стихотворение-пьеса	127
Утрилло	128
Запись — к циклу «Полей»	129
К празднику в детстве	130
Служба: бумаги: ночь	131
Максу Эрнсту: роза-двойник	132
Пьеру Эмманюэлю: два голоса	133
Спокойно: дорогое немногое	134
Хуану Миро: пузыри гласных	135
«Образ светлый» — картина Григория Гавриленки	136
Запись	137
Из «Роз: посвящений»	138
Поле старинное	139
И: снится лес	140
Три надписи на книге стихов	141
В часы занятий	142
Обед: картофель	143
Поэт (К 60-летию Яна Сатуновского)	144
Дневная песня соловья	145
Моцарт: «Кассация 1»	146
Сцена: человеко-цветенья	147
Образ — в праздник	148
Далекий рисунок	149
Чонтвари	150
Гуашь	152
ОДЕЖДА ОГНЯ	153
Сон: дорога в поле	155
К разговору о К. — Ольге Машковой	156
Август: Ницше в Турине	157
И: как белый лист	158
Степень: остоики	159
Вещи давнего дома	161

Розы на Вацлавской площади	162
Поле за Ферапонтовым	163
Снова к празднеству	164
Прогулка: гвоздики на могиле Владимира Соловьева	166
Белый шиповник в горах	167
Černá hodinka: на могилу К.	168
Кахаб-росо: могила Махмуда	170
ČERNÁ HODINKA	171
Поле: в разгаре зимы	173
Розы в горах	174
Поле: туман	176
И вновь: боярышник	177
Долго: солнце	178
Снег с перерывами	179
Ты — ликами цветов	181
Места в лесу: пробуждаясь	182
Окраина: тишина	183
Запись (с «постоянными эпитетами») — после разговора с человеком из «отделения»	186
ТИШИНА-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	187
Ты моя тишина	189
И: роза-дитя	190
Немного	191
Тишина и улыбка	192
Запись: apophatic	193
Ветка вербы в окне	194
ПОРА БЛАГОДАРНОСТИ	197
Озеро и птица	199
Сыну сентябрьские звезды	200
Образ: клен	201
Призраком надписи	202

Холм: сосны: полдень	203
Лес: встреча-юноша	204
Флоксы: безветрие	205
Ты-день	206
Дождь	207
И: место рябине	208
Ходьба — прощанье	209
И: лепесток вместо слова «конец»	210
ПРОВИНЦИЯ ЖИВЫХ	211
Теперь всегда снега	213
Сон: горы — все дальше от Кахиба	215
В ветер	216
ЛЕТО С АНГЕЛАМИ	217
От автора	219
ЧТО ЗАБРЕДАЕТ В СЛОМАННУЮ ФЛЕЙТУ	229
ВЕТЕР ПО ТРАВАМ	235
Примечания автора	241
ЛЕТО С ПРАНТЛЕМ	243
О камнях Прантля	245
КОММЕНТАРИИ	253

*Я хотел бы назвать экстраординарного поэта
современного русского авангарда – Геннадия Айги.*

Роман Яacobсон

*Самый оригинальный голос современной русской
поэзии и один из самых необычных голосов в мире.*

Жак Рубо

*У нас мало кто представляет меру востребованности
Айги в мире: она огромна. Айги был звездой первой
величины в современной мировой поэзии, о нем говорили
как о живом классике, новом Малларме или новом Целане.*

Ольга Седакова



ПАЛЬМИРА

В оформлении
обложки
использована
фотография
из архива автора.

T8 RUGRAM

12+